

ФЕРАЛ ФАВН

Экземпляр, который вы держите в руках, может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь тур-фирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если вы распечатаете несколько штук и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Также хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней выбудете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся и прочих хороших делах. Независимо от того, какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее - мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

- 48 -

БУРЖУАЗНЫЕ КОРНИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

В ОЖИДАНИИ АПОКАЛИПСИСА: ИДЕОЛОГИЯ КОЛПАСА И ПОБЕГ ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ПРИРОДА КАК СПЕКТАКЛЬ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ДИКОСТИ ПРОТИВ ДИКОСТИ

РАДОСТЬ ВОССТАНИЯ: ИГРА, НАСИЛИЕ, БУНТ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ В НАШИХ ГОЛОВАХ

Все что вы читаете, может быть использовано против вас.

АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г

ФЕРАЛ ФАВН

БУРЖУАЗНЫЕ КОРНИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

В ОЖИДАНИИ АПОКАЛИПСИСА: ИДЕОЛОГИЯ КОЛПАСА И ПОБЕГ ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ПРИРОДА КАК СПЕКТАКЛЬ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ДИКОСТИ ПРОТИВ ДИКОСТИ

РАДОСТЬ ВОССТАНИЯ: ИГРА, НАСИЛИЕ, БУНТ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ В НАШИХ ГОЛОВАХ

Все что вы читаете, может быть использовано против вас.

- 48 -

<http://goodbooks.noblogs.org>

АВТОНОМНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2012Г

Ферал Фавн (англ. *Feral Faun*) — американский анархист, постлефтист, автор эссе «Анархистская субкультура», «Полицейские в наших головах», «Дикая революция», и других. Известен также под псевдонимом Вольфи Ландстрейчер (*Wolfi Landstreicher*, слово «*Landstreicher*» по-немецки значит «бродяга»). Один из авторов сборника «На ножках со всем существующим!». Был редактором издания «*Willful Disobedience*», выпускавшееся в период с 1996 по 2005 год, и в настоящее время выпускает различные брошюры и буклеты в проекте «*Venotous Butterfly Publication*». Его идеи повлияли на повстанческий анархизм и на критику цивилизации. С недавнего времени пишет под псевдонимом «Анио Лудд».

- 2 -

Ферал Фавн (англ. *Feral Faun*) — американский анархист, постлефтист, автор эссе «Анархистская субкультура», «Полицейские в наших головах», «Дикая революция», и других. Известен также под псевдонимом Вольфи Ландстрейчер (*Wolfi Landstreicher*, слово «*Landstreicher*» по-немецки значит «бродяга»). Один из авторов сборника «На ножках со всем существующим!». Был редактором издания «*Willful Disobedience*», выпускавшееся в период с 1996 по 2005 год, и в настоящее время выпускает различные брошюры и буклеты в проекте «*Venotous Butterfly Publication*». Его идеи повлияли на повстанческий анархизм и на критику цивилизации. С недавнего времени пишет под псевдонимом «Анио Лудд».

- 2 -

тому, что мы будем делать ошибки, но эти ошибки будут несопоставимы с теми ошибками, которые мы бы совершали, существуя как зомби, в повиновении властям, морали, правилам и законам. Жизнь без риска, без возможности ошибаться - это не жизнь вообще. Только благодаря риску и пренебрежению всеми законами, благодаря жизни для себя самих, мы сможем жить полной жизнью. Я не хочу каких-либо ограничений моей жизни, я хочу, чтобы были открыты все возможности, чтобы я мог жить своей жизнью для себя в любое время. Это означает уничтожения всех социальных ролей и уничтожения всех нравственных принципов.

Когда анархист или любой другой радикал начинанет проповедовать мне свои моральные принципы: непринуждения, глубинной экологии, коммунизма, милитантизма или даже какие-то идеологические принципы - я слышу лишь полицейского или жреца, и я не хочу вести дела с такими людьми - я их игнорирую.

Я стараюсь создать ситуацию, при которой я смогу жить свободно, будучи тем, кем я хочу быть, в мире свободных людей, с которыми я мог бы иметь отношения, основанные на наших желаниях без каких-либо ограничений.

Анархия и мораль противоположны друг другу, и любое эффективное действие против власти нуждается в возмражении морали и уничтожении полицейских в наших головах.

Ферал Фавн, *Anarchy: A Journal Of Desire Armed* #24, March-April 1990
Перевод semixhalf

- 47 -

тому, что мы будем делать ошибки, но эти ошибки будут несопоставимы с теми ошибками, которые мы бы совершали, существуя как зомби, в повиновении властям, морали, правилам и законам. Жизнь без риска, без возможности ошибаться - это не жизнь вообще. Только благодаря риску и пренебрежению всеми законами, благодаря жизни для себя самих, мы сможем жить полной жизнью. Я не хочу каких-либо ограничений моей жизни, я хочу, чтобы были открыты все возможности, чтобы я мог жить своей жизнью для себя в любое время. Это означает уничтожения всех социальных ролей и уничтожения всех нравственных принципов.

Когда анархист или любой другой радикал начинанет проповедовать мне свои моральные принципы: непринуждения, глубинной экологии, коммунизма, милитантизма или даже какие-то идеологические принципы - я слышу лишь полицейского или жреца, и я не хочу вести дела с такими людьми - я их игнорирую.

Я стараюсь создать ситуацию, при которой я смогу жить свободно, будучи тем, кем я хочу быть, в мире свободных людей, с которыми я мог бы иметь отношения, основанные на наших желаниях без каких-либо ограничений.

Анархия и мораль противоположны друг другу, и любое эффективное действие против власти нуждается в возмражении морали и уничтожении полицейских в наших головах.

Ферал Фавн, *Anarchy: A Journal Of Desire Armed* #24, March-April 1990
Перевод semixhalf

- 47 -

желаниях и стремлениях, а не на попытках соответствовать каким-то определенным принципам и идеалам, или принадлежать какой-то группе (в том числе "анархистов"), именно подобная деятельность может привести к ситуации анархии, которая откроет мир возможностей ограниченный лишь нашими способностями. Важно научиться свободно, выражать свои желания - это умение, которому можно научиться лишь используя его. Когда мы чувствуем отвращение, злость, радость, желание, грусть, любовь, ненависть мы должны выражать их. Это не просто. Чаще всего я нахожу себя попадающим в соответствующую социальную роль, когда хочу выразить нечто иное. Я пойду в магазин, ощущая отвращение ко всему этому процессу экономических отношений, и, тем не менее, вежливо поблагодарю клерка за помощь в участии в этой процессе. Делал ли я это сознательно для прикрытия шоплифтинга (это было бы весело использовать свой ум для получения желаемого), но это просто укоренный обществом ответ - полицейский в моей голове. Я совершенствуюсь, но это чертовски длинный путь. Все чаще я стараюсь действовать согласно своим желаниям, действовать спонтанно, не обращая внимание на то, что обо мне думают другие. Это самомотивируемая деятельность основывается на наших желаниях и намерениях, нашем подавленном воображении, нашей уникальной креативности.

Конечно, следуя нашей субъективности, подобный путь жизни для себя, может привести к

- 46 -

желаниях и стремлениях, а не на попытках соответствовать каким-то определенным принципам и идеалам, или принадлежать какой-то группе (в том числе "анархистов"), именно подобная деятельность может привести к ситуации анархии, которая откроет мир возможностей ограниченный лишь нашими способностями. Важно научиться свободно, выражать свои желания - это умение, которому можно научиться лишь используя его. Когда мы чувствуем отвращение, злость, радость, желание, грусть, любовь, ненависть мы должны выражать их. Это не просто. Чаще всего я нахожу себя попадающим в соответствующую социальную роль, когда хочу выразить нечто иное. Я пойду в магазин, ощущая отвращение ко всему этому процессу экономических отношений, и, тем не менее, вежливо поблагодарю клерка за помощь в участии в этой процессе. Делал ли я это сознательно для прикрытия шоплифтинга (это было бы весело использовать свой ум для получения желаемого), но это просто укоренный обществом ответ - полицейский в моей голове. Я совершенствуюсь, но это чертовски длинный путь. Все чаще я стараюсь действовать согласно своим желаниям, действовать спонтанно, не обращая внимание на то, что обо мне думают другие. Это самомотивируемая деятельность основывается на наших желаниях и намерениях, нашем подавленном воображении, нашей уникальной креативности.

Конечно, следуя нашей субъективности, подобный путь жизни для себя, может привести к

- 46 -

Содержание:

Буржуазные корни анархо-синдикализма.....	4
В ожидании апокалипсиса: идеология коллапса и побег от революционной ответственности.....	15
Природа как спектакль: изображение дикости против дикости.....	24
Радость восстания: игра, насилие, бунт.....	33
Полицейские в наших головах.....	41

Пираж: чем больше, - тем лучше

Типография: где подешевле

Бумага: на которой придётся

- 3 -

Содержание:

Буржуазные корни анархо-синдикализма.....	4
В ожидании апокалипсиса: идеология коллапса и побег от революционной ответственности.....	15
Природа как спектакль: изображение дикости против дикости.....	24
Радость восстания: игра, насилие, бунт.....	33
Полицейские в наших головах.....	41

Пираж: чем больше, - тем лучше

Типография: где подешевле

Бумага: на которой придётся

- 3 -

БУРЖУАЗНЫЕ КОРНИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

“Мы выступаем за развитие рабочего движения, основанного на прямой демократии, не только потому, что это представляется более эффективным методом ведения борьбы против класса работодателей, но и потому что такой подход превосходит — создаёт базис — появление общества, основанного на свободе и равенстве, без авторитарности и эксплуатации”.

*— цитата из флайера Рабочего Альянса
Солидарности, анархо-синдикалистской
организации*

На XIV-XV века приходится начало той общественной трансформации, которая достигла драматического пика в событиях североамериканской Войны за Независимость и Французской Революции. Это период восстания буржуазии против феодальной системы и власти католической церкви. На смену феодализму пришли капиталистическая экономическая и демократическая политическая системы. Вместо правления неизбираемой аристократии или короля либеральная демократия заявляет о том, что «народ» должен править через выборных представителей. Как и анархо-синдикалисты, процитированные выше, буржуазия хотела построения «общества, основанного на свободе и равенстве, без авторитарности и эксплуатации». Уберите слова про «рабочее движение» и «класс

- 4 -

БУРЖУАЗНЫЕ КОРНИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

“Мы выступаем за развитие рабочего движения, основанного на прямой демократии, не только потому, что это представляется более эффективным методом ведения борьбы против класса работодателей, но и потому что такой подход превосходит — создаёт базис — появление общества, основанного на свободе и равенстве, без авторитарности и эксплуатации”.

*— цитата из флайера Рабочего Альянса
Солидарности, анархо-синдикалистской
организации*

На XIV-XV века приходится начало той общественной трансформации, которая достигла драматического пика в событиях североамериканской Войны за Независимость и Французской Революции. Это период восстания буржуазии против феодальной системы и власти католической церкви. На смену феодализму пришли капиталистическая экономическая и демократическая политическая системы. Вместо правления неизбираемой аристократии или короля либеральная демократия заявляет о том, что «народ» должен править через выборных представителей. Как и анархо-синдикалисты, процитированные выше, буржуазия хотела построения «общества, основанного на свободе и равенстве, без авторитарности и эксплуатации». Уберите слова про «рабочее движение» и «класс

- 4 -

основаны на наших фактических возможностях, а на абстрактных идеях, которые препятствуют нам изучать наши возможности в полной мере. Во многих анархических ситуациях случившихся в прошлом полицейские в головах людей (корни страха, морали и вины) пугали их, оставляя их покорными настолько, что они отступали обратно в безопасность своих клеток. Это важно, потому что анархические ситуации происходят не просто так из ниоткуда, они - результат деятельности людей, разочарованных в своих жизнях. Каждый из нас может создать подобную ситуацию в любой момент времени. Но мы все терпеливо ожидаем анархических ситуаций, чтобы они упали нам с неба, а когда они гремят взрывами, мы не можем их поддержать. Даже те из нас, кто сознательно отказался от морали все равно колеблются, задерживая действие, потому что боятся полицейских, даже если нет никаких настоящих полицейских вокруг. Мораль, вина и страх осуждения - это полицейские в наших головах, они уничтожают нашу спонтанность, нашу дикость, нашу возможность жить своими жизнями в полной мере. Полицейские в наших головах будут продолжать подавлять наше бунтарство до тех пор, пока мы не научимся рисковать. Я не имею ввиду, что мы должны быть глупцами, ведь в тюрьме нет ничего анархического или свободного, но без риска нет приключений, нет жизни. Именно самомотивационная деятельность и есть той деятельностью, которая основывается на наших

- 45 -

основаны на наших фактических возможностях, а на абстрактных идеях, которые препятствуют нам изучать наши возможности в полной мере. Во многих анархических ситуациях случившихся в прошлом полицейские в головах людей (корни страха, морали и вины) пугали их, оставляя их покорными настолько, что они отступали обратно в безопасность своих клеток. Это важно, потому что анархические ситуации происходят не просто так из ниоткуда, они - результат деятельности людей, разочарованных в своих жизнях. Каждый из нас может создать подобную ситуацию в любой момент времени. Но мы все терпеливо ожидаем анархических ситуаций, чтобы они упали нам с неба, а когда они гремят взрывами, мы не можем их поддержать. Даже те из нас, кто сознательно отказался от морали все равно колеблются, задерживая действие, потому что боятся полицейских, даже если нет никаких настоящих полицейских вокруг. Мораль, вина и страх осуждения - это полицейские в наших головах, они уничтожают нашу спонтанность, нашу дикость, нашу возможность жить своими жизнями в полной мере. Полицейские в наших головах будут продолжать подавлять наше бунтарство до тех пор, пока мы не научимся рисковать. Я не имею ввиду, что мы должны быть глупцами, ведь в тюрьме нет ничего анархического или свободного, но без риска нет приключений, нет жизни. Именно самомотивационная деятельность и есть той деятельностью, которая основывается на наших

- 45 -

деятельности и желаниях отдельных лиц, а ее целью является освобождающий мятеж. Рассудительность же вытекает из принципов и идеалов, внешних нам, она направлена на порабощения нас этими идеалами. Когда рождается анархическая ситуация, рассудительность исчезает, освобождая людей от вины, как во время некоторых беспорядков, когда люди всех сортов грабят и уничтожают разнообразную собственность вместе в духе радости, несмотря на то, что всех учили уважать частную собственность. Мораль требует вины, свобода требует ликвидации вины. Кто-то из дадаистов как-то сказал: "Руководствоваться этическими принципами - значит быть ничем другим как пассивным придатком полицейского... именно это и является источником нашего рабства".

Конечно, этика - источник пассивности. Я слышал о нескольких случаях, когда крупномасштабные анархические ситуации после своего начала развились совсем немного, их энергии расстратилась и большинство их участников вернулись к своим не-жизням, к своему состоянию до восстания. Эти события показывают, что, несмотря на степень социального контроля понижавшего наше существование, мы можем восстать. Но против полицейских в наших головах (мораль, вина и страх) также нужно восстать. Каждая система морали, независимо от, того что она утверждает, ограничивает умеющиеся у нас возможности, подавляя наши желания. И это ограничения не

- 44 -

деятельности и желаниях отдельных лиц, а ее целью является освобождающий мятеж. Рассудительность же вытекает из принципов и идеалов, внешних нам, она направлена на порабощения нас этими идеалами. Когда рождается анархическая ситуация, рассудительность исчезает, освобождая людей от вины, как во время некоторых беспорядков, когда люди всех сортов грабят и уничтожают разнообразную собственность вместе в духе радости, несмотря на то, что всех учили уважать частную собственность. Мораль требует вины, свобода требует ликвидации вины. Кто-то из дадаистов как-то сказал: "Руководствоваться этическими принципами - значит быть ничем другим как пассивным придатком полицейского... именно это и является источником нашего рабства".

Конечно, этика - источник пассивности. Я слышал о нескольких случаях, когда крупномасштабные анархические ситуации после своего начала развились совсем немного, их энергии расстратилась и большинство их участников вернулись к своим не-жизням, к своему состоянию до восстания. Эти события показывают, что, несмотря на степень социального контроля понижавшего наше существование, мы можем восстать. Но против полицейских в наших головах (мораль, вина и страх) также нужно восстать. Каждая система морали, независимо от, того что она утверждает, ограничивает умеющиеся у нас возможности, подавляя наши желания. И это ограничения не

- 44 -

работодателей», и получившаяся фраза будет к лицу Томасу Пейну.

Конечно, анархо-синдикалисты заявят нам, что их словоупотребление радикально отличается от словоупотребления буржуазных революционеров прошлого. И я бы поверил им, если бы не тот факт, что анархо-синдикализм подражает буржуазной идеологии в намного большем, чем терминология. Ценности, провозглашаемые анархо-синдикалистами, не сильно отличаются от того, за что выступают радикальные либерально-буржуазные теоретики. А при ближайшем рассмотрении их проект оказывается всего лишь расширением либерального проекта.

Как я уже сказал, экономическая система, которая пришла к власти на волне буржуазных революций, называется капитализм. Я не буду вдаваться в подробное описание капитализма. Достаточно сказать, что определяющим качеством капиталистической системы (по сравнению с другими экономическими системами) является вовсе не наличие капиталистов, а непрерывное производство избыточного капитала, который необходим для постоянной экономической экспансии. Капиталистическая система высокоморальна. Другими словами, она основана на системе ценностей, которые поставлены выше нужд индивида, выше его желаний и жадности. Это необходимо для беспребойного распространения системы. Основопологающие ценности капиталистической экспансии — это производство и прогресс. Следовательно, всякое

- 5 -

работодателей», и получившаяся фраза будет к лицу Томасу Пейну.

Конечно, анархо-синдикалисты заявят нам, что их словоупотребление радикально отличается от словоупотребления буржуазных революционеров прошлого. И я бы поверил им, если бы не тот факт, что анархо-синдикализм подражает буржуазной идеологии в намного большем, чем терминология. Ценности, провозглашаемые анархо-синдикалистами, не сильно отличаются от того, за что выступают радикальные либерально-буржуазные теоретики. А при ближайшем рассмотрении их проект оказывается всего лишь расширением либерального проекта.

Как я уже сказал, экономическая система, которая пришла к власти на волне буржуазных революций, называется капитализм. Я не буду вдаваться в подробное описание капитализма. Достаточно сказать, что определяющим качеством капиталистической системы (по сравнению с другими экономическими системами) является вовсе не наличие капиталистов, а непрерывное производство избыточного капитала, который необходим для постоянной экономической экспансии. Капиталистическая система высокоморальна. Другими словами, она основана на системе ценностей, которые поставлены выше нужд индивида, выше его желаний и жадности. Это необходимо для беспребойного распространения системы. Основопологающие ценности капиталистической экспансии — это производство и прогресс. Следовательно, всякое

- 5 -

технологическое открытие должно приветствоваться, если только не оказывается доказанной угрозой для дальнейшей экспансии капитала. Как для производства, так и для прогресса, необходима работа. Поэтому буржуазия высоко ценит работу. И — вопреки образу, который пытаются создать «радикальные» пропагандисты рабочизма — часто бывает так, что капиталисты работают намного больше часов в сутки, чем промышленные рабочие. Но это скорее организационная, чем производственная деятельность. Те, кому удаётся уклоняться от работы — моральные отбросы капиталистического общества. Для него это паразиты, живущие за счёт трудящихся.

Анархо-синдикалисты приветствуют все вышеприведённые тезисы. Их заявленная цель — это «по-настоящему народная власть над производством». Они, в самом деле, верят, что первобытные люди большую часть времени боролись за выживание, что только благодаря производству и научно-техническому прогрессу мы можем жить нашими удивительными и увлекательными жизнями, несмотря на колоссальный объём антропологических свидетельств обратного. И наслаждаться всеми этими прекрасными товарами потребления. Но чёрт меня побери! Опять этот сарказм! Синдикалисты признают, что отдельные технологии представляют угрозу жизни на планете, но, в общем и целом технология и прогресс считаются чем-то положительным.

- 6 -

технологическое открытие должно приветствоваться, если только не оказывается доказанной угрозой для дальнейшей экспансии капитала. Как для производства, так и для прогресса, необходима работа. Поэтому буржуазия высоко ценит работу. И — вопреки образу, который пытаются создать «радикальные» пропагандисты рабочизма — часто бывает так, что капиталисты работают намного больше часов в сутки, чем промышленные рабочие. Но это скорее организационная, чем производственная деятельность. Те, кому удаётся уклоняться от работы — моральные отбросы капиталистического общества. Для него это паразиты, живущие за счёт трудящихся.

Анархо-синдикалисты приветствуют все вышеприведённые тезисы. Их заявленная цель — это «по-настоящему народная власть над производством». Они, в самом деле, верят, что первобытные люди большую часть времени боролись за выживание, что только благодаря производству и научно-техническому прогрессу мы можем жить нашими удивительными и увлекательными жизнями, несмотря на колоссальный объём антропологических свидетельств обратного. И наслаждаться всеми этими прекрасными товарами потребления. Но чёрт меня побери! Опять этот сарказм! Синдикалисты признают, что отдельные технологии представляют угрозу жизни на планете, но, в общем и целом технология и прогресс считаются чем-то положительным.

- 6 -

которых они должны определять себя. Я не хотел бы говорить о концепции "общности всех людей" в этой статье - моя позиция заключается в том, что независимо на чем базируется этика, она всегда будет находиться вне нас и являться чем-то внешним для жизни человека. Независимо от того, что представляет из себя основа этики - бог, патриотизм, человечность, производственные нужды, естественный закон, "Земля", анархия или даже человек, она всегда будет абстрактной управляющей нами идеей. Этика - это форма власти, которая будет подрываться анархической ситуацией так же как и любая другая форма власти, если данная ситуация будет продолжаться до последнего. Этика и рассудительность идут рука об руку.

Критицизм, даже суровый, жестокий критицизм, очень важен для совершенствования нашего повстанческого анализа и практики, но рассудительность должна быть полностью искоренена.

Рассудительность делит людей на виновных и невиновных, а вина - один из мощнейших орудий репрессии. Когда мы выносим решение и осуждаем самих себя или кого-то другого, мы подавляем противодействие, что и является главной целью механизма вины. (Это не означает, что мы не должны ненавидеть или желать убить кого-то - это было абсурдно при создании не этичной нравственности, но наша ненависть должна быть определена как личное чувство и не определена в моральном плане.) Радикальная критика берет начало в реальном опыте,

- 43 -

которых они должны определять себя. Я не хотел бы говорить о концепции "общности всех людей" в этой статье - моя позиция заключается в том, что независимо на чем базируется этика, она всегда будет находиться вне нас и являться чем-то внешним для жизни человека. Независимо от того, что представляет из себя основу этики - бог, патриотизм, человечность, производственные нужды, естественный закон, "Земля", анархия или даже человек, она всегда будет абстрактной управляющей нами идеей. Этика - это форма власти, которая будет подрываться анархической ситуацией так же как и любая другая форма власти, если данная ситуация будет продолжаться до последнего. Этика и рассудительность идут рука об руку.

Критицизм, даже суровый, жестокий критицизм, очень важен для совершенствования нашего повстанческого анализа и практики, но рассудительность должна быть полностью искоренена.

Рассудительность делит людей на виновных и невиновных, а вина - один из мощнейших орудий репрессии. Когда мы выносим решение и осуждаем самих себя или кого-то другого, мы подавляем противодействие, что и является главной целью механизма вины. (Это не означает, что мы не должны ненавидеть или желать убить кого-то - это было абсурдно при создании не этичной нравственности, но наша ненависть должна быть определена как личное чувство и не определена в моральном плане.) Радикальная критика берет начало в реальном опыте,

- 43 -

гражданское неповиновение являются навязыванием силой своей воли. Отказ от использования силы для навязывания своей воли означает стать совершенно пассивным - стать рабом. Эта концепция анархии делают ее законом контроля наших жизней, а это противоречит понятию анархии. Попытка создать из анархии этический принцип искажает ее реальное значение. Анархия описывает конкретную ситуацию, в которой не существует власти или ее контроль сведен на нет. Подобная ситуация ничего не гарантирует, даже дальнейшего ее продолжения, но она открывает возможность для каждого из нас начать создавать свою жизнь, опираясь на свои собственные желания и намерения, а не под влиянием социальных ролей и требований общественного порядка.

Анархия не является целью революции, но ситуацией, которая делает возможной единственный интересующий меня тип революции - бунт людей ради того, чтобы жить так, как им хочется, и разрушение всего, что стоит у них на пути. Эта свободная от каких-либо моральных принципов ситуация предоставляет нам аморальную возможность жить своей жизнью без ограничений. Учитывая то, что анархическая ситуация аморальна, тогда идея анархической нравственности представляется крайне подозрительной.

Нравственность - система принципов, определяющих, что является правильным и неправильным поведением. Она подразумевает наличие неких абсолютов вне людей, с помощью

- 42 -

Поэтому неудивительно, что они превозносят работу. Ведь без неё невозможны ни производство, ни прогресс. Как и буржуазия, синдикалисты считают «паразитом» всякого, кто отказывается работать (См. статьи Чейза Бафа «Послушай, Анархист!» и «Ваша политика охуительно буржуазна. Критика Crimethinc»). Единственное, что их не устраивает в капиталистической системе — это то, что у руля не они. Синдикалисты хотят видеть во главе всего Одного Большого Капиталиста. А именно — международный союз трудящихся. На данный момент власть поделена между множеством диктаторов, корпораций и государств. Синдикалистам это не нравится. Это надо изменить. Но в основе своей структура останется той же. Анархо-синдикалисты поддерживают ту же систему капиталистических ценностей, что и буржуазия. Возможно, даже более рьяно, чем сама буржуазия.

И если для дальнейшего производства и прогресса (положительные для капиталистической системы понятия) необходима работа, то необходимо и общественное согласие. Я уже упоминал, что уклонение от работы считается паразитизмом. Всякое удовольствие, которое нельзя продать на рынке (другими словами, нельзя запустить в массовое производство) считается неэтичным. Бродяги, бездомные, цыгане, объявленные вне закона — любой человек, отказывающийся вносить посильный вклад в развитие общества, клеймится как неудачник (или преступник). В эту же

- 7 -

гражданское неповиновение являются навязыванием силой своей воли. Отказ от использования силы для навязывания своей воли означает стать совершенно пассивным - стать рабом. Эта концепция анархии делают ее законом контроля наших жизней, а это противоречит понятию анархии. Попытка создать из анархии этический принцип искажает ее реальное значение. Анархия описывает конкретную ситуацию, в которой не существует власти или ее контроль сведен на нет. Подобная ситуация ничего не гарантирует, даже дальнейшего ее продолжения, но она открывает возможность для каждого из нас начать создавать свою жизнь, опираясь на свои собственные желания и намерения, а не под влиянием социальных ролей и требований общественного порядка.

Анархия не является целью революции, но ситуацией, которая делает возможной единственный интересующий меня тип революции - бунт людей ради того, чтобы жить так, как им хочется, и разрушение всего, что стоит у них на пути. Эта свободная от каких-либо моральных принципов ситуация предоставляет нам аморальную возможность жить своей жизнью без ограничений. Учитывая то, что анархическая ситуация аморальна, тогда идея анархической нравственности представляется крайне подозрительной.

Нравственность - система принципов, определяющих, что является правильным и неправильным поведением. Она подразумевает наличие неких абсолютов вне людей, с помощью

- 42 -

Поэтому неудивительно, что они превозносят работу. Ведь без неё невозможны ни производство, ни прогресс. Как и буржуазия, синдикалисты считают «паразитом» всякого, кто отказывается работать (См. статьи Чейза Бафа «Послушай, Анархист!» и «Ваша политика охуительно буржуазна. Критика Crimethinc»). Единственное, что их не устраивает в капиталистической системе — это то, что у руля не они. Синдикалисты хотят видеть во главе всего Одного Большого Капиталиста. А именно — международный союз трудящихся. На данный момент власть поделена между множеством диктаторов, корпораций и государств. Синдикалистам это не нравится. Это надо изменить. Но в основе своей структура останется той же. Анархо-синдикалисты поддерживают ту же систему капиталистических ценностей, что и буржуазия. Возможно, даже более рьяно, чем сама буржуазия.

И если для дальнейшего производства и прогресса (положительные для капиталистической системы понятия) необходима работа, то необходимо и общественное согласие. Я уже упоминал, что уклонение от работы считается паразитизмом. Всякое удовольствие, которое нельзя продать на рынке (другими словами, нельзя запустить в массовое производство) считается неэтичным. Бродяги, бездомные, цыгане, объявленные вне закона — любой человек, отказывающийся вносить посильный вклад в развитие общества, клеймится как неудачник (или преступник). В эту же

- 7 -

категорию попадают и божественные художники, музыканты и поэты (те из них, кто отказывается от конформности) — по крайней мере до той поры, пока не находится способ кооптировать их отступническое творчество.

Анархо-синдикалисты придерживаются той же модели по отношению к тем, кто не вписывается в это общество. Осуждение «маргиналов» и тому подобные заявления, которые позволяют себе Чейз Баф и ему подобные анонимные анархо-федералы.

Отвратительно, что CNT постоянно критиковало и осуждало деятельность анархиста Сабата (при этом не стесняясь принимать от него экспроприированные деньги). В течение всей своей истории анархо-синдикализм пытается потушить огонь неподконтрольного восстания. Иногда это принимало формы увещевания, иногда — оскорблений. Целью всегда было склонить повстанческих анархистов к конформности и заставить их принять общество таким, какое оно есть. Всякий раз, когда анархическое восстание выплывается за рамки требований реформ (к которым не устают призывать анархо-синдикалисты), эти мнимые противники законности начинают громче всех кричать: «Преступники! Террористы!» Как и буржуазия, анархо-синдикалисты хотят видеть непрерывное производство. А для этого требуется конформность.

Рукой об руку с конформностью идёт любовь к общественному согласию. Да, буржуазия пользуется войнами между народами для

- 8 -

ПОЛИЦЕЙСКИЕ В НАШИХ ГОЛОВАХ

Во время моих путешествий последних нескольких месяцев, я много общался с анархистами, которые считают анархию этическим принципом. Некоторые в этом уходят настолько далеко, что говорят об анархии, как о некоем божестве, которому они себя дарят, укрепляя тем самым мои ощущения того, что те, кто хочет познать (пережить) анархию, должны отторгнуться от анархизма. Одной из самых распространенных из услышанных мной концепций анархизма является принципиальный отказ от использования силы для навязывания своей воли другим. Из этой концепции проистекают выводы, с которыми я не могу согласиться. Они означают, что господство — это, в основном, вопрос личной этики, а не результат социальных ролей или отношений, что мы все равны в возможности осуществления господства, и что мы должны самодисциплинироваться для предотвращения этого. Если же господство — это результат социальных ролей и социальных отношений, тогда подобный этический принцип совершенно абсурден, поскольку этика является не более чем способом разделения политическим корректного (святого) от некорректного (проклятого). Подобное определение анархии приводит анархических повстанцев к состоянию еще большей слабости в уже односторонней борьбе против власти. Все формы насилия в отношении людей или имущества, всеобщие забастовки, кражи или такие формы деятельности, как

- 41 -

категорию попадают и божественные художники, музыканты и поэты (те из них, кто отказывается от конформности) — по крайней мере до той поры, пока не находится способ кооптировать их отступническое творчество.

Анархо-синдикалисты придерживаются той же модели по отношению к тем, кто не вписывается в это общество. Осуждение «маргиналов» и тому подобные заявления, которые позволяют себе Чейз Баф и ему подобные анонимные анархо-федералы.

Отвратительно, что CNT постоянно критиковало и осуждало деятельность анархиста Сабата (при этом не стесняясь принимать от него экспроприированные деньги). В течение всей своей истории анархо-синдикализм пытается потушить огонь неподконтрольного восстания. Иногда это принимало формы увещевания, иногда — оскорблений. Целью всегда было склонить повстанческих анархистов к конформности и заставить их принять общество таким, какое оно есть. Всякий раз, когда анархическое восстание выплывается за рамки требований реформ (к которым не устают призывать анархо-синдикалисты), эти мнимые противники законности начинают громче всех кричать: «Преступники! Террористы!» Как и буржуазия, анархо-синдикалисты хотят видеть непрерывное производство. А для этого требуется конформность.

Рукой об руку с конформностью идёт любовь к общественному согласию. Да, буржуазия пользуется войнами между народами для

- 8 -

ПОЛИЦЕЙСКИЕ В НАШИХ ГОЛОВАХ

Во время моих путешествий последних нескольких месяцев, я много общался с анархистами, которые считают анархию этическим принципом. Некоторые в этом уходят настолько далеко, что говорят об анархии, как о некоем божестве, которому они себя дарят, укрепляя тем самым мои ощущения того, что те, кто хочет познать (пережить) анархию, должны отторгнуться от анархизма. Одной из самых распространенных из услышанных мной концепций анархизма является принципиальный отказ от использования силы для навязывания своей воли другим. Из этой концепции проистекают выводы, с которыми я не могу согласиться. Они означают, что господство — это, в основном, вопрос личной этики, а не результат социальных ролей или отношений, что мы все равны в возможности осуществления господства, и что мы должны самодисциплинироваться для предотвращения этого. Если же господство — это результат социальных ролей и социальных отношений, тогда подобный этический принцип совершенно абсурден, поскольку этика является не более чем способом разделения политическим корректного (святого) от некорректного (проклятого). Подобное определение анархии приводит анархических повстанцев к состоянию еще большей слабости в уже односторонней борьбе против власти. Все формы насилия в отношении людей или имущества, всеобщие забастовки, кражи или такие формы деятельности, как

- 41 -

жить жизнью без каких-либо ограничений, строя межличностные отношения так, как хотим мы сами и наши близкие, а не как навязывает нам общество, придётся признать, что временами тут и там вспыхивает насилие. И ничего особенного в этом нет. Это не плохо и не хорошо. Полнота переживаемых страстей подразумевает и полноценное переживание, и выражение ненависти и гнева. Выражения этих эмоций свойственна некоторая жестокость. И хотя это насилие можно использовать с определённым тактическим умыслом, оно никогда не станет систематическим. Его можно применять с умом, но от этого оно не станет рационализированным. И ни при каких обстоятельствах оно не будет воспроизводить само себя, потому что это индивидуальная и временная эмоция, которая находит полноценное свободное, страстное выражение. Ни морализаторство о ненасилии, ни систематическое насилие милитаризированной борьбы не могут уничтожить власть, поскольку и то, и другое основано на власти. Только экспансивное и страстное насилие восставших личностей, которые реализуют свои индивидуальные и коллективные проекты в пространстве игры, имеет шанс уничтожить это общество...

Ферал Фавн

- 40 -

жить жизнью без каких-либо ограничений, строя межличностные отношения так, как хотим мы сами и наши близкие, а не как навязывает нам общество, придётся признать, что временами тут и там вспыхивает насилие. И ничего особенного в этом нет. Это не плохо и не хорошо. Полнота переживаемых страстей подразумевает и полноценное переживание, и выражение ненависти и гнева. Выражения этих эмоций свойственна некоторая жестокость. И хотя это насилие можно использовать с определённым тактическим умыслом, оно никогда не станет систематическим. Его можно применять с умом, но от этого оно не станет рационализированным. И ни при каких обстоятельствах оно не будет воспроизводить само себя, потому что это индивидуальная и временная эмоция, которая находит полноценное свободное, страстное выражение. Ни морализаторство о ненасилии, ни систематическое насилие милитаризированной борьбы не могут уничтожить власть, поскольку и то, и другое основано на власти. Только экспансивное и страстное насилие восставших личностей, которые реализуют свои индивидуальные и коллективные проекты в пространстве игры, имеет шанс уничтожить это общество...

Ферал Фавн

- 40 -

расширения капиталистического влияния. Но это всегда опасно, потому, что насилие может нарушить непрерывное функционирование системы. В буржуазном обществе уместно только институционализированное насилие «правильных» властей с соответствующим рационально-этическим базисом. Межличностные конфликты должны быть не только лишены всякого элемента насилия, но и проходить вежливо. Разрешаться они должны в ходе рациональной дискуссии, переговоров или третейского суда. Никаких страстей. Общественный мир может быть разрушен только в крайних обстоятельствах. Анархо-синдикалисты ценят общественный мир не меньше буржуев. В работах, подобных статье Луиджи Фабри *Буржуазное влияние на Анархизм* и *Послушай, Анархист!* Бафа, они пытаются навязать анархистам этику вербальных конфронтаций без личных оскорблений. Иронично, что они прилагают определённые усилия к тому, чтобы убедить читателя, будто буржуазная пресса (то, как анархическое сообщество преподносит публике в корпоративных СМИ) не имеет к этим размышлениям никакого отношения. Мне непонятно, почему они полагают, что люди, обладающие достаточной отвагой и интеллектом, чтобы восстать против властей, продолжают верить буржуазной прессе. Как и буржуазия, анархо-синдикалисты призывают нас к рациональным дискуссиям по спорным вопросам. Никаких страстей. Всё сугубо мирно. Любое

- 9 -

расширения капиталистического влияния. Но это всегда опасно, потому, что насилие может нарушить непрерывное функционирование системы. В буржуазном обществе уместно только институционализированное насилие «правильных» властей с соответствующим рационально-этическим базисом. Межличностные конфликты должны быть не только лишены всякого элемента насилия, но и проходить вежливо. Разрешаться они должны в ходе рациональной дискуссии, переговоров или третейского суда. Никаких страстей. Общественный мир может быть разрушен только в крайних обстоятельствах. Анархо-синдикалисты ценят общественный мир не меньше буржуев. В работах, подобных статье Луиджи Фабри *Буржуазное влияние на Анархизм* и *Послушай, Анархист!* Бафа, они пытаются навязать анархистам этику вербальных конфронтаций без личных оскорблений. Иронично, что они прилагают определённые усилия к тому, чтобы убедить читателя, будто буржуазная пресса (то, как анархическое сообщество преподносит публике в корпоративных СМИ) не имеет к этим размышлениям никакого отношения. Мне непонятно, почему они полагают, что люди, обладающие достаточной отвагой и интеллектом, чтобы восстать против властей, продолжают верить буржуазной прессе. Как и буржуазия, анархо-синдикалисты призывают нас к рациональным дискуссиям по спорным вопросам. Никаких страстей. Всё сугубо мирно. Любое

- 9 -

активное жестокое проявление личного бунта считается безответственным, контрреволюционным и неэтичным. Те, кто поступает подобным образом, клеймятся как «провокаторы», «преступники», «террористы». По сути, всякая форма нелегальной деятельности, которая случается вне «революционной ситуации» считается контр-продуктивной (всегда ли это плохо?) Насилие оправдано только в момент всеобщего восстания рабочего класса («единственного полноправного правителя» согласно анархо-синдикалистской теории). И даже тогда это насилие должно быть рациональным и этическим, потому что ведь надо сохранить в целости средства производства и обеспечить гладкий переход к анархо-синдикалистскому производству.

Анархо-синдикалисты стремятся также к созданию рационального, этического общества. Они призывают нас «атаковать иррациональность... всюду, где она поднимает голову». Проблема нынешнего общества глазами анархо-синдикалистов — это что оно недостаточно рационально и недостаточно элично. И поскольку разумность — залог этического поведения (как они полагают), то разумность должна восторжествовать во всех аспектах жизни. Мы должны руководствоваться не страстями и желаниями, а «рациональным пониманием собственных интересов». Эти заявления синдикалистов один-в-один повторяют тезисы утилитаристов. Они заявляют о том, что производитель, контролирующий средства

- 10 -

себе. Проломить череп существующего общества — это истинная радость. Этим стоит наслаждаться, а не трепетать от стыда, чувства вины и сожаления. Могут возникнуть возражения, что подобный подход приведёт к тому, что насилие выйдет из-под нашего контроля. Но нас не должен пугать избыток повстанческого насилия. По мере того, как будет рушиться система угнетения и мы начнём высвобождать собственные страсти, наши поступки, формы общения и весь стиль жизни начнёт меняться: начнёт казаться, что всего вокруг в избытке. В том числе всего того, чем мы будем заниматься (а некоторые уже занимаются). Наша щедрость будет казаться не менее чрезмерной, чем наше насилие. В отсутствие ограничений людям свойственно распространять свои эмоции на всё вокруг. Бунты и восстания не смогли стать чем-то большим, нежели временным выпуском пара общественного возмущения не потому, что насилия было в избытке, а потому, что люди сдерживались. Люди не доверяли собственным страстям. Они боялись распространить их на окружающее пространство. Душили собственные мечты и желания. И, в конечном счете, сдались новым властям, новым формам систематизированного насилия. Но может ли повстанческое насилие стать действительно избыточным, если мы должны разрушить все общественные институты, все аспекты власти, всех культурных идолов, — и притом разрушить с радостью? Если мы жаждем мира, в котором каждый из нас будет свободен,

- 39 -

активное жестокое проявление личного бунта считается безответственным, контрреволюционным и неэтичным. Те, кто поступает подобным образом, клеймятся как «провокаторы», «преступники», «террористы». По сути, всякая форма нелегальной деятельности, которая случается вне «революционной ситуации» считается контр-продуктивной (всегда ли это плохо?) Насилие оправдано только в момент всеобщего восстания рабочего класса («единственного полноправного правителя» согласно анархо-синдикалистской теории). И даже тогда это насилие должно быть рациональным и этическим, потому что ведь надо сохранить в целости средства производства и обеспечить гладкий переход к анархо-синдикалистскому производству.

Анархо-синдикалисты стремятся также к созданию рационального, этического общества. Они призывают нас «атаковать иррациональность... всюду, где она поднимает голову». Проблема нынешнего общества глазами анархо-синдикалистов — это что оно недостаточно рационально и недостаточно элично. И поскольку разумность — залог этического поведения (как они полагают), то разумность должна восторжествовать во всех аспектах жизни. Мы должны руководствоваться не страстями и желаниями, а «рациональным пониманием собственных интересов». Эти заявления синдикалистов один-в-один повторяют тезисы утилитаристов. Они заявляют о том, что производитель, контролирующий средства

- 10 -

себе. Проломить череп существующего общества — это истинная радость. Этим стоит наслаждаться, а не трепетать от стыда, чувства вины и сожаления. Могут возникнуть возражения, что подобный подход приведёт к тому, что насилие выйдет из-под нашего контроля. Но нас не должен пугать избыток повстанческого насилия. По мере того, как будет рушиться система угнетения и мы начнём высвобождать собственные страсти, наши поступки, формы общения и весь стиль жизни начнёт меняться: начнёт казаться, что всего вокруг в избытке. В том числе всего того, чем мы будем заниматься (а некоторые уже занимаются). Наша щедрость будет казаться не менее чрезмерной, чем наше насилие. В отсутствие ограничений людям свойственно распространять свои эмоции на всё вокруг. Бунты и восстания не смогли стать чем-то большим, нежели временным выпуском пара общественного возмущения не потому, что насилия было в избытке, а потому, что люди сдерживались. Люди не доверяли собственным страстям. Они боялись распространить их на окружающее пространство. Душили собственные мечты и желания. И, в конечном счете, сдались новым властям, новым формам систематизированного насилия. Но может ли повстанческое насилие стать действительно избыточным, если мы должны разрушить все общественные институты, все аспекты власти, всех культурных идолов, — и притом разрушить с радостью? Если мы жаждем мира, в котором каждый из нас будет свободен,

- 39 -

от **системы** насилия, отказ от организованной милитаризованной формы вооружённой борьбы позволяет повстанцам сохранить достаточную степень невидимости для властей. Подобную деятельность не так-то просто понять и подчинить. В некоторых случаях её подрывной характер попросту остаётся вне пределов понимания власть предержащих. А основы общественного контроля продолжают расшатываться. С излишне рациональной точки зрения власти, насилие как игра кажется совершенно случайным. Но на самом деле эта деятельность протекает в гармонии с желаниями восставших. Насилие как игра, в которую играют восставшие, «убивает, походя, с улыбкой, не замедляя шага и не оглядываясь». В насилии восстания нет места сожалению. Сожаление лишает удар силы. Оно делает людей осторожными и робкими. Сожаление возникает только тогда, когда о насилии начинают рассуждать с точки зрения морали. Но для повстанцев, решивших бороться за свободу жить в соответствии с собственными желаниями, мораль — это всего лишь ещё одна форма общественного контроля. Сожаление выглядит абсурдным излишеством там, где повстанческое насилие осуществляется в виде игры.

Праздничный характер насилия легко увидеть на примере бунтов (кроме тех, которые спровоцированы полицией) и спонтанных восстаний, а также мелкого вандализма. Всё пропитано счастьем и эйфорией. Люди дают выход страстям, которые так долго держали в

- 38 -

от **системы** насилия, отказ от организованной милитаризованной формы вооружённой борьбы позволяет повстанцам сохранить достаточную степень невидимости для властей. Подобную деятельность не так-то просто понять и подчинить. В некоторых случаях её подрывной характер попросту остаётся вне пределов понимания власть предержащих. А основы общественного контроля продолжают расшатываться. С излишне рациональной точки зрения власти, насилие как игра кажется совершенно случайным. Но на самом деле эта деятельность протекает в гармонии с желаниями восставших. Насилие как игра, в которую играют восставшие, «убивает, походя, с улыбкой, не замедляя шага и не оглядываясь». В насилии восстания нет места сожалению. Сожаление лишает удар силы. Оно делает людей осторожными и робкими. Сожаление возникает только тогда, когда о насилии начинают рассуждать с точки зрения морали. Но для повстанцев, решивших бороться за свободу жить в соответствии с собственными желаниями, мораль — это всего лишь ещё одна форма общественного контроля. Сожаление выглядит абсурдным излишеством там, где повстанческое насилие осуществляется в виде игры.

Праздничный характер насилия легко увидеть на примере бунтов (кроме тех, которые спровоцированы полицией) и спонтанных восстаний, а также мелкого вандализма. Всё пропитано счастьем и эйфорией. Люди дают выход страстям, которые так долго держали в

- 38 -

производства, — это более рационально и более этично. Сам вопрос о том, насколько вообще кто-либо способен контролировать средства производства в промышленном обществе, их не интересует.

И либерально-буржуазные теоретики, и анархо-синдикалисты хотят рационального, этического общества, основанного на свободе, равенстве и справедливости, которое гарантировало бы права человека. И те, и другие хотят бесперебойно функционирующую экономику с высоким уровнем производства, гарантирующим научно-технический прогресс. И те, и другие хотят общественного согласия и конформности, которые необходимы для реализации обоих проектов. И крайне сложно отказаться от мысли, будто проект у них на самом деле один. Я вижу только два отличия. Буржуазия рассматривает экономику как аполитичную силу, которая может развиваться вполне эффективно и этично в форме частных предприятий. А анархо-синдикалисты рассматривают экономику как политическую силу, которая, следовательно, должна подчиняться демократическому управлению. Буржуазные либералы верят, что представительная демократия может явить миру их идеал. А анархо-синдикалисты верят, что демократия может быть только прямой (хотя они ни разу не интересовались, действительно ли мы хотим тратить всё наше время на прямые голосования по каждому общественному вопросу). Анархо-синдикалистский проект является на самом деле всего лишь расширением

- 11 -

производства, — это более рационально и более этично. Сам вопрос о том, насколько вообще кто-либо способен контролировать средства производства в промышленном обществе, их не интересует.

И либерально-буржуазные теоретики, и анархо-синдикалисты хотят рационального, этического общества, основанного на свободе, равенстве и справедливости, которое гарантировало бы права человека. И те, и другие хотят бесперебойно функционирующую экономику с высоким уровнем производства, гарантирующим научно-технический прогресс. И те, и другие хотят общественного согласия и конформности, которые необходимы для реализации обоих проектов. И крайне сложно отказаться от мысли, будто проект у них на самом деле один. Я вижу только два отличия. Буржуазия рассматривает экономику как аполитичную силу, которая может развиваться вполне эффективно и этично в форме частных предприятий. А анархо-синдикалисты рассматривают экономику как политическую силу, которая, следовательно, должна подчиняться демократическому управлению. Буржуазные либералы верят, что представительная демократия может явить миру их идеал. А анархо-синдикалисты верят, что демократия может быть только прямой (хотя они ни разу не интересовались, действительно ли мы хотим тратить всё наше время на прямые голосования по каждому общественному вопросу). Анархо-синдикалистский проект является на самом деле всего лишь расширением

- 11 -

либерально-буржуазного проекта, попыткой довести его до логического конца.

“Ежедневная деятельность рабов производит рабство”

— Фредди Перлман

Осталось провести последнюю параллель между либеральной буржуазностью и анархо-синдикализмом. Это не параллель в сфере идей. Это параллель в сфере безграмотности. И те, и другие, как видится, неспособны понять реальности нашей с вами социальной системы. Рассуждая о свободе и демократии, и те, и другие на самом деле видят только власть, которая подчиняют себе общество. И те, и другие слепы во всём, что касается общественной деятельности, которая является настоящим источником рабского положения большинства живых существ на планете (деятельности, в которой они тоже принимают участие). Поэтому либеральная буржуазия так рада избавляться от священников и королей, а анархо-синдикалисты спят и видят, как избавиться от президентов и боссов, но при этом и те, и другие хотят, чтобы заводы и магазины остались в целостности и сохранности (хотя, пожалуй, синдикалисты были бы рады переименовать супермаркеты в «центры распределения»). Семьи тоже должны остаться в целостности и сохранности. Вся социальная система должна остаться такой же. Но если наша ежедневная деятельность не изменится самым решительным образом (а анархо-синдикалисты не подают вида, что хотят

- 12 -

либерально-буржуазного проекта, попыткой довести его до логического конца.

“Ежедневная деятельность рабов производит рабство”

— Фредди Перлман

Осталось провести последнюю параллель между либеральной буржуазностью и анархо-синдикализмом. Это не параллель в сфере идей. Это параллель в сфере безграмотности. И те, и другие, как видится, неспособны понять реальности нашей с вами социальной системы. Рассуждая о свободе и демократии, и те, и другие на самом деле видят только власть, которая подчиняют себе общество. И те, и другие слепы во всём, что касается общественной деятельности, которая является настоящим источником рабского положения большинства живых существ на планете (деятельности, в которой они тоже принимают участие). Поэтому либеральная буржуазия так рада избавляться от священников и королей, а анархо-синдикалисты спят и видят, как избавиться от президентов и боссов, но при этом и те, и другие хотят, чтобы заводы и магазины остались в целостности и сохранности (хотя, пожалуй, синдикалисты были бы рады переименовать супермаркеты в «центры распределения»). Семьи тоже должны остаться в целостности и сохранности. Вся социальная система должна остаться такой же. Но если наша ежедневная деятельность не изменится самым решительным образом (а анархо-синдикалисты не подают вида, что хотят

- 12 -

очень быстро гаснут. В природе нет систематического насилия. Есть лишь моментальные проявления страстей. Это обнажает одно из главных заблуждений пацифистской идеологии. Насилие не воспроизводит насилия само по себе. **Социальная система** рационализированного насилия воспроизводит саму себя. Часть этой системы — пацифизм. И адекватной реакцией на эту систему насилия будет бессистемное насилие, основанное на игре и страстях. Животным и детским играм свойственна некоторая жестокость. Преследование, борьба, напрыгивания, ломание, удары, и тому подобное — всё это можно в той или иной степени найти в игре без правил. Тем же занят и сознающий самого себя повстанец, только он играет с корпоративными объектами, а цель игры — причинение ущерба частной собственности. В повстанческой среде в качестве объектов для атак оказываются государственные и коммерческие институты, символы потребления, социальные роли, культурные иды. Но и человеческие представители этих институтов власти и угнетения тоже могут быть целью. Особенно те, чья деятельность несёт угрозу свободе других людей.

Восстание никогда нельзя ограничить вопросами самообороны. Проблема самообороны эффективнее всего решается либо соглашательством, либо реформами. Восстание — это агрессивное, опасное, ирригивое **нападение** свободолубивых личностей на общество. Отказ

- 37 -

очень быстро гаснут. В природе нет систематического насилия. Есть лишь моментальные проявления страстей. Это обнажает одно из главных заблуждений пацифистской идеологии. Насилие не воспроизводит насилия само по себе. **Социальная система** рационализированного насилия воспроизводит саму себя. Часть этой системы — пацифизм. И адекватной реакцией на эту систему насилия будет бессистемное насилие, основанное на игре и страстях. Животным и детским играм свойственна некоторая жестокость. Преследование, борьба, напрыгивания, ломание, удары, и тому подобное — всё это можно в той или иной степени найти в игре без правил. Тем же занят и сознающий самого себя повстанец, только он играет с корпоративными объектами, а цель игры — причинение ущерба частной собственности. В повстанческой среде в качестве объектов для атак оказываются государственные и коммерческие институты, символы потребления, социальные роли, культурные иды. Но и человеческие представители этих институтов власти и угнетения тоже могут быть целью. Особенно те, чья деятельность несёт угрозу свободе других людей.

Восстание никогда нельзя ограничить вопросами самообороны. Проблема самообороны эффективнее всего решается либо соглашательством, либо реформами. Восстание — это агрессивное, опасное, ирригивое **нападение** свободолубивых личностей на общество. Отказ

- 37 -

отвращение другого человека. Именно этот вид насилия практикуют пацифисты.

«Я не грежу о нежной революции. Я страстно жажду жестокой, бурной жизни, в которой есть место всему»

-Рауль Ванейгем

Те из нас, кто решил бороться за возможность свободно творить собственные жизни, должны понять, что бессмысленно выбирать между пацифизмом и систематизированным насилием. Потому что подобный выбор — это попытка социализации нашего восстания. Вместо этого мы должны находить другие пространства решений, должны развивать понятия игры и хаоса страстей, исследовать новые формы взаимоотношений, которые с течением времени можно будет выразить в буйном, интенсивном насилии. Или в мягкой и нежной заботе о близких. Или так, как мы сами того пожелаем в соответствующий момент времени. И отказ от насилия, и систематизация насилия несут угрозы нашим страстям и нашей уникальности. Насилие — это животный аспект межличностных отношений. Наблюдение за тем, как проявляется насилие в животном мире, поможет нам осознать ряд важных фактов. Прежде всего, насилие среди животных невозможно уместить в формулу социального дарвинизма. Нет никакой войны всех против всех. Скорее, можно говорить о том, что в определённых обстоятельствах вспыхивают индивидуальные проявления насилия. Которые

- 36 -

отвращение другого человека. Именно этот вид насилия практикуют пацифисты.

«Я не грежу о нежной революции. Я страстно жажду жестокой, бурной жизни, в которой есть место всему»

-Рауль Ванейгем

Те из нас, кто решил бороться за возможность свободно творить собственные жизни, должны понять, что бессмысленно выбирать между пацифизмом и систематизированным насилием. Потому что подобный выбор — это попытка социализации нашего восстания. Вместо этого мы должны находить другие пространства решений, должны развивать понятия игры и хаоса страстей, исследовать новые формы взаимоотношений, которые с течением времени можно будет выразить в буйном, интенсивном насилии. Или в мягкой и нежной заботе о близких. Или так, как мы сами того пожелаем в соответствующий момент времени. И отказ от насилия, и систематизация насилия несут угрозы нашим страстям и нашей уникальности. Насилие — это животный аспект межличностных отношений. Наблюдение за тем, как проявляется насилие в животном мире, поможет нам осознать ряд важных фактов. Прежде всего, насилие среди животных невозможно уместить в формулу социального дарвинизма. Нет никакой войны всех против всех. Скорее, можно говорить о том, что в определённых обстоятельствах вспыхивают индивидуальные проявления насилия. Которые

- 36 -

изменить в ней что-либо, кроме разве добавления организационной нагрузки по управлению заводами к трудовой нагрузке по работе на них)... Если ежедневная жизнь не изменится, то какая тогда разница, есть ли над нами начальство или нет? Мы же всё равно остаёмся рабами! «У Сатаны множество имён».

Однако есть очень веская причина, по которой ни буржуазные либералы, ни анархо-синдикалисты не видят рабства, встроенного в наше общество. Понятие «свободы» для них не имеет никакого отношения к возможности отдельного человека обрести власть над собственной жизнью. Для них «свобода» — это способность индивида полностью и активно встроиться в прогрессивное рациональное общество. «Свобода — это рабство». Это не извращённое сталинское или фашистское мышление. Этот тезис свойственен всякой идеологии, где свобода рассматривается как свойство общества, а не свойство личности. Единственный способ обеспечить «свободу» подобных обществ — это подавлять всех недовольных и восставших. Анархо-синдикалисты могут рассуждать об отмене государства, но они обречены, воссоздать все и каждую его функции, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование своего утопического общества. На самом деле, анархо-синдикализм не стремится к радикальному разрыву с нашим обществом. Эта идеология пытается расширить ценности нашего общества до таких пределов, чтобы они ещё больше

- 13 -

изменить в ней что-либо, кроме разве добавления организационной нагрузки по управлению заводами к трудовой нагрузке по работе на них)... Если ежедневная жизнь не изменится, то какая тогда разница, есть ли над нами начальство или нет? Мы же всё равно остаёмся рабами! «У Сатаны множество имён».

Однако есть очень веская причина, по которой ни буржуазные либералы, ни анархо-синдикалисты не видят рабства, встроенного в наше общество. Понятие «свободы» для них не имеет никакого отношения к возможности отдельного человека обрести власть над собственной жизнью. Для них «свобода» — это способность индивида полностью и активно встроиться в прогрессивное рациональное общество. «Свобода — это рабство». Это не извращённое сталинское или фашистское мышление. Этот тезис свойственен всякой идеологии, где свобода рассматривается как свойство общества, а не свойство личности. Единственный способ обеспечить «свободу» подобных обществ — это подавлять всех недовольных и восставших. Анархо-синдикалисты могут рассуждать об отмене государства, но они обречены, воссоздать все и каждую его функции, чтобы обеспечить бесперебойное функционирование своего утопического общества. На самом деле, анархо-синдикализм не стремится к радикальному разрыву с нашим обществом. Эта идеология пытается расширить ценности нашего общества до таких пределов, чтобы они ещё больше

- 13 -

подчинили себе наши жизни. Все настоящие повстанцы, ренегаты, вышедшие за рамки закона, дикие свободные души не найдут себе места в анархо-синдикалистской утопии будущего, как не нашли себе места в обществе настоящего. Мы будем продолжать бороться, продолжать обрушивать ад на систему, продолжать искать радикального разрыва с обществом. Потому что нам не нужно больше власти над собственным рабством. А именно это и предлагают анархо-синдикалисты. Мы хотим сбросить цепи и прожить собственные жизни полноценно. Так, как мы сами этого хотим.

Ферал Фавн

- 14 -

подчинили себе наши жизни. Все настоящие повстанцы, ренегаты, вышедшие за рамки закона, дикие свободные души не найдут себе места в анархо-синдикалистской утопии будущего, как не нашли себе места в обществе настоящего. Мы будем продолжать бороться, продолжать обрушивать ад на систему, продолжать искать радикального разрыва с обществом. Потому что нам не нужно больше власти над собственным рабством. А именно это и предлагают анархо-синдикалисты. Мы хотим сбросить цепи и прожить собственные жизни полноценно. Так, как мы сами этого хотим.

Ферал Фавн

- 14 -

тюремной угрозы, при наличии эффективной системы принудительного психиатрического «лечения», цензуры, идеологии «нехватки ресурсов» или войны. И получается, что пацифистский идеал основан на сохранении монолитной системы насилия и по своей природе отражает заложенное в природу власти противоречие: всякая власть нуждается в системе институционализированного насилия, чтобы поддерживать функционирование общества и сохранять видимость «общественного согласия».

Рационализированное насилие не только воспроизводит само себя, но и провоцирует реакцию (часто бессознательную) со стороны разгневанных членов общества, которыми система манипулирует с целью оправдать собственное существование. Иногда эта реакция принимает форму сознательного повстанческого насилия. Подавление собственных страстей к разрушению не идёт на пользу личности. Игнорирование этих импульсов запускает механизмы медленного умерщвления собственного «Я», приводит к стрессам и психозам (нервозам). Доказательства этому можно видеть на примере того, как люди унижают друг друга на улицах и в присутственных местах каждого города: взгляды отвращения и вражды, которыми обмениваются незнакомцы, словесные перепалки, пикировки и обвинения, которые позволяют себе близкие. Это — самая незаметная и самая всепроникающая форма рационализированного насилия. С ней соглашаются все. Причина — страх вызвать

- 35 -

тюремной угрозы, при наличии эффективной системы принудительного психиатрического «лечения», цензуры, идеологии «нехватки ресурсов» или войны. И получается, что пацифистский идеал основан на сохранении монолитной системы насилия и по своей природе отражает заложенное в природу власти противоречие: всякая власть нуждается в системе институционализированного насилия, чтобы поддерживать функционирование общества и сохранять видимость «общественного согласия».

Рационализированное насилие не только воспроизводит само себя, но и провоцирует реакцию (часто бессознательную) со стороны разгневанных членов общества, которыми система манипулирует с целью оправдать собственное существование. Иногда эта реакция принимает форму сознательного повстанческого насилия. Подавление собственных страстей к разрушению не идёт на пользу личности. Игнорирование этих импульсов запускает механизмы медленного умерщвления собственного «Я», приводит к стрессам и психозам (нервозам). Доказательства этому можно видеть на примере того, как люди унижают друг друга на улицах и в присутственных местах каждого города: взгляды отвращения и вражды, которыми обмениваются незнакомцы, словесные перепалки, пикировки и обвинения, которые позволяют себе близкие. Это — самая незаметная и самая всепроникающая форма рационализированного насилия. С ней соглашаются все. Причина — страх вызвать

- 35 -

обывателя в атмосферу рационализированного общественного насилия, чтобы он боялся собственных страстей и самостоятельно подавлял их.

В свете систематического общественного насилия не вызывает удивления реакция публики: люди начинают воспринимать всякое насилие как единую монолитную сущность, а не как один из видов человеческой реакции или отношений. И эта порождённая обществом система насилия становится монолитной сущностью, которая воспроизводит саму себя. «Патологический пацифизм» развивается как реакция на эту систему. Неспособный выглянуть за пределы навязанных обществом категорий, пацифист создаёт для себя мнимое противопоставление, ограничивая вопрос насилия этическими и интеллектуальными рамками: для него это выбор между полным принятием всякого насилия как монолитной сущности и полным отказом от насилия. Однако подобный выбор возможен лишь в мире бессмысленных абстракций. Потому что в реальном мире (в котором мы живём) пацифизм и систематическое насилие зависят друг от друга и поддерживают друг друга.

Пацифизм — это идеология, которая требует тотального общественного покоя. Эта цель достижима лишь при условии полного подавления всяких страстей индивида (которые и приводят к актам индивидуального насилия). Для реализации этой утопии потребуются тотальный контроль. Он возможен лишь при условии постоянной полицейской угрозы, постоянной

- 34 -

обывателя в атмосферу рационализированного общественного насилия, чтобы он боялся собственных страстей и самостоятельно подавлял их.

В свете систематического общественного насилия не вызывает удивления реакция публики: люди начинают воспринимать всякое насилие как единую монолитную сущность, а не как один из видов человеческой реакции или отношений. И эта порождённая обществом система насилия становится монолитной сущностью, которая воспроизводит саму себя. «Патологический пацифизм» развивается как реакция на эту систему. Неспособный выглянуть за пределы навязанных обществом категорий, пацифист создаёт для себя мнимое противопоставление, ограничивая вопрос насилия этическими и интеллектуальными рамками: для него это выбор между полным принятием всякого насилия как монолитной сущности и полным отказом от насилия. Однако подобный выбор возможен лишь в мире бессмысленных абстракций. Потому что в реальном мире (в котором мы живём) пацифизм и систематическое насилие зависят друг от друга и поддерживают друг друга.

Пацифизм — это идеология, которая требует тотального общественного покоя. Эта цель достижима лишь при условии полного подавления всяких страстей индивида (которые и приводят к актам индивидуального насилия). Для реализации этой утопии потребуются тотальный контроль. Он возможен лишь при условии постоянной полицейской угрозы, постоянной

- 34 -

В ОЖИДАНИИ АПОКАЛИПСИСА: ИДЕОЛОГИЯ КОЛЛАПСА И ПОБЕГ ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Когда люди отворачиваются от вопроса «как совершить революцию», их начинает беспокоить вопрос «как избежать революции».

Не приходится сомневаться: все мы живём в страшные времена. Во времена, когда легче всего живётся страусам: они прячут голову в песок и делают вид, что всё в порядке. Деграция окружающей среды, социальная дезинтеграция, распространение нищеты во всех аспектах наших жизней — мы можем наслаждаться огромным количеством последствий жизни при общественном порядке, который является ничем иным, как потерявшим всякое представление о гармонии монстром. Думающим людям становится легко поверить в то, что конец близок. Поэтому не удивительно, что наша эпоха богата на апокалиптические предсказания того или иного рода. Они возникают тут и там и уже не являются монополией религиозных фанатиков. Одна из версий идеологии апокалипсиса — это концепция коллапса цивилизации в течение ближайших десятилетий, который произойдёт в результате воздействия экологических, социальных и/или экономических факторов. Именно об этой версии апокалипсиса я бы хотел поговорить. Потому что именно она так распространена в анархических кругах.

Приверженцы апокалиптических взглядов могут относиться к концу света с разной степенью надежды и отчаяния. Это справедливо и

- 15 -

В ОЖИДАНИИ АПОКАЛИПСИСА: ИДЕОЛОГИЯ КОЛЛАПСА И ПОБЕГ ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Когда люди отворачиваются от вопроса «как совершить революцию», их начинает беспокоить вопрос «как избежать революции».

Не приходится сомневаться: все мы живём в страшные времена. Во времена, когда легче всего живётся страусам: они прячут голову в песок и делают вид, что всё в порядке. Деграция окружающей среды, социальная дезинтеграция, распространение нищеты во всех аспектах наших жизней — мы можем наслаждаться огромным количеством последствий жизни при общественном порядке, который является ничем иным, как потерявшим всякое представление о гармонии монстром. Думающим людям становится легко поверить в то, что конец близок. Поэтому не удивительно, что наша эпоха богата на апокалиптические предсказания того или иного рода. Они возникают тут и там и уже не являются монополией религиозных фанатиков. Одна из версий идеологии апокалипсиса — это концепция коллапса цивилизации в течение ближайших десятилетий, который произойдёт в результате воздействия экологических, социальных и/или экономических факторов. Именно об этой версии апокалипсиса я бы хотел поговорить. Потому что именно она так распространена в анархических кругах.

Приверженцы апокалиптических взглядов могут относиться к концу света с разной степенью надежды и отчаяния. Это справедливо и

- 15 -

в отношении идеологии коллапса. Некоторые из анархо-примитивистов, придерживающихся этого взгляда, относятся к подобному сценарию как к чудесной возможности вернуться к примитивному стилю жизни, свободному от ограничивающего влияния цивилизационных институтов. Кажется, что отдельные представители даже рады неизбежным страданиям и смертям, которые не могут не происходить в случае коллапса. Я бы хотел напомнить им, что страдания и смерть не будут разделять угнетателей и угнетённых, одомашненных и диких, цивилизованных и «примитивных». Не следует забывать и о том, что те, кто сейчас находятся у власти и контролируют все ресурсы, безусловно, попытаются сохранить свою гегемонию и после коллапса. Скорее всего, они будут вынуждены прибегнуть к тем же методам, что можно наблюдать на примере деятельности военных вождей в Сомали и Афганистане. Только масштабы будут другие, и оружие будет более разрушительным.

Есть и такие радикальные экологи, которые обладают более адекватным представлением о том, какое значение для всех нас будет иметь коллапс цивилизации. Они понимают, что подобный сценарий возможен лишь при условии серьёзных экологических изменений на планете (которые произойдут в результате широкомасштабного уничтожения биосферы на Земле). Это понимание толкает их в объятия отчаяния. И деятельность их становится окрашенной в эти тона. Основным направлением

- 16 -

в отношении идеологии коллапса. Некоторые из анархо-примитивистов, придерживающихся этого взгляда, относятся к подобному сценарию как к чудесной возможности вернуться к примитивному стилю жизни, свободному от ограничивающего влияния цивилизационных институтов. Кажется, что отдельные представители даже рады неизбежным страданиям и смертям, которые не могут не происходить в случае коллапса. Я бы хотел напомнить им, что страдания и смерть не будут разделять угнетателей и угнетённых, одомашненных и диких, цивилизованных и «примитивных». Не следует забывать и о том, что те, кто сейчас находятся у власти и контролируют все ресурсы, безусловно, попытаются сохранить свою гегемонию и после коллапса. Скорее всего, они будут вынуждены прибегнуть к тем же методам, что можно наблюдать на примере деятельности военных вождей в Сомали и Афганистане. Только масштабы будут другие, и оружие будет более разрушительным.

Есть и такие радикальные экологи, которые обладают более адекватным представлением о том, какое значение для всех нас будет иметь коллапс цивилизации. Они понимают, что подобный сценарий возможен лишь при условии серьёзных экологических изменений на планете (которые произойдут в результате широкомасштабного уничтожения биосферы на Земле). Это понимание толкает их в объятия отчаяния. И деятельность их становится окрашенной в эти тона. Основным направлением

- 16 -

РАДОСТЬ ВОССТАНИЯ: ИГРА, НАСИЛИЕ, БУНТ

«Мы не говорим просто о насилии. Мы говорим о составном элементе наших судеб... Об условиях, которые навязаны всем нам...»

Общественный контроль невозможен без насилия. Общество производит системы рационализированного насилия для социализации своих членов, для того, чтобы превратить их в полезный ресурс. И хотя некоторые из этих систем можно рассматривать в отрыве от всего остального (военные, полиция и тюрьмы) по причине неприкрытой жестокости творимых несправедливостей, по большей части эти системы настолько взаимосвязаны и настолько проникли во все аспекты наших жизней, что стали единой тотальностью. Тотальностью, которой является наше общество.

В значительной степени, систематическое насилие, о котором я говорю, существует в виде невыраженной угрозы: неявный, временами даже обыденный, повседневный терроризм, который вызывает у каждого ужас перед мыслью о том, чтобы выйти за рамки дозволенного. Приказы «вышестоящего начальства» всегда несут в себе угрозу для подчинённых быть наказанными и изгнанными в маргинальные слои общества, угрозу применения одетых в униформу бандитов, которые призваны «служить и защищать» (?!). Нас забрасывают чередой новостей о войнах, пытках, маньяках и преступных группировках. Всё это с одной целью: с головой окунуть

- 33 -

РАДОСТЬ ВОССТАНИЯ: ИГРА, НАСИЛИЕ, БУНТ

«Мы не говорим просто о насилии. Мы говорим о составном элементе наших судеб... Об условиях, которые навязаны всем нам...»

Общественный контроль невозможен без насилия. Общество производит системы рационализированного насилия для социализации своих членов, для того, чтобы превратить их в полезный ресурс. И хотя некоторые из этих систем можно рассматривать в отрыве от всего остального (военные, полиция и тюрьмы) по причине неприкрытой жестокости творимых несправедливостей, по большей части эти системы настолько взаимосвязаны и настолько проникли во все аспекты наших жизней, что стали единой тотальностью. Тотальностью, которой является наше общество.

В значительной степени, систематическое насилие, о котором я говорю, существует в виде невыраженной угрозы: неявный, временами даже обыденный, повседневный терроризм, который вызывает у каждого ужас перед мыслью о том, чтобы выйти за рамки дозволенного. Приказы «вышестоящего начальства» всегда несут в себе угрозу для подчинённых быть наказанными и изгнанными в маргинальные слои общества, угрозу применения одетых в униформу бандитов, которые призваны «служить и защищать» (?!). Нас забрасывают чередой новостей о войнах, пытках, маньяках и преступных группировках. Всё это с одной целью: с головой окунуть

- 33 -

идеологии выживания (survivalism) точно также как и от всякой другой попытки цивилизации подавить свободу жизни. Они будут всеми силами стараться прожить свои жизни в хаосе и постоянных переменах, в ритме танца с постоянно меняющимися партнёрами, с которыми нас связывает ненависть не только к цивилизации, но и к попытке подчинить дикую, свободную жизнь (попытка эта зовётся «Природа»).

Ферал Фавн

- 32 -

идеологии выживания (survivalism) точно также как и от всякой другой попытки цивилизации подавить свободу жизни. Они будут всеми силами стараться прожить свои жизни в хаосе и постоянных переменах, в ритме танца с постоянно меняющимися партнёрами, с которыми нас связывает ненависть не только к цивилизации, но и к попытке подчинить дикую, свободную жизнь (попытка эта зовётся «Природа»).

Ферал Фавн

- 32 -

их деятельности становится попытка сохранить жизнь на фоне гибели цивилизации. Сохранить любой ценой — в том числе, ценой собственных принципов и идеалов...

Но проблема заключается в том, что вера в апокалипсис — это, прежде всего вера. Предполагается неизбежность приближающегося конца света. От людей ожидаются некие решения, продиктованные убеждённо в неотвратимости катастрофы. Основывая нашу деятельность на одном из предсказаний возможного будущего (вместо того, чтобы принимать во внимание окружающую нас действительность и собственные желания), мы придаём борьбе против статус-кво характерные черты идеологии. Конечно, в этом есть определённое преимущество: проще принимать решения о методах борьбы и о должном отношении к борьбе. Ведь идеология уже сделала эти решения за нас. Но мне кажется, что эта проблема требует более тщательного изучения.

Как только мы начинаем верить в некий сценарий будущего (не важно, позитивный или негативный), нам становится легче смириться с настоящим. Вера Маркса в неизбежность торжества коммунизма помогла ему примириться с промышленным капитализмом и капиталистической эксплуатацией. Ведь это были необходимые шаги на пути к реализации его сценария будущего. Аналогично идеология неизбежного коллапса цивилизации оправдывает защитную по своей сути реакцию на продолжающееся уничтожение окружающей

- 17 -

их деятельности становится попытка сохранить жизнь на фоне гибели цивилизации. Сохранить любой ценой — в том числе, ценой собственных принципов и идеалов...

Но проблема заключается в том, что вера в апокалипсис — это, прежде всего вера. Предполагается неизбежность приближающегося конца света. От людей ожидаются некие решения, продиктованные убеждённо в неотвратимости катастрофы. Основывая нашу деятельность на одном из предсказаний возможного будущего (вместо того, чтобы принимать во внимание окружающую нас действительность и собственные желания), мы придаём борьбе против статус-кво характерные черты идеологии. Конечно, в этом есть определённое преимущество: проще принимать решения о методах борьбы и о должном отношении к борьбе. Ведь идеология уже сделала эти решения за нас. Но мне кажется, что эта проблема требует более тщательного изучения.

Как только мы начинаем верить в некий сценарий будущего (не важно, позитивный или негативный), нам становится легче смириться с настоящим. Вера Маркса в неизбежность торжества коммунизма помогла ему примириться с промышленным капитализмом и капиталистической эксплуатацией. Ведь это были необходимые шаги на пути к реализации его сценария будущего. Аналогично идеология неизбежного коллапса цивилизации оправдывает защитную по своей сути реакцию на продолжающееся уничтожение окружающей

- 17 -

среды с одной стороны, и эскапистские практики (которые и вовсе игнорируют протекающие в мире процессы) с другой.

Оборонительные практики, которые развиваются из подобного отношения, связаны с предположением, что коллапс цивилизации (который неизбежен, если мы не будем пытаться изменить направление развития промышленной цивилизации) угрожает самой жизни на планете. Поэтому активисты обращаются к тактикам, которые должны защитить немногие оставшиеся уголки дикой природы и те нецивилизованные народы, которые до сих пор не уничтожены. Вся протестная деятельность оказывается, сосредоточена на попытке снизить ущерб, причиняемый индустриальной и постиндустриальной технологическими системами. Эта логика глухой обороны толкает людей к реформистским практикам и таким методам борьбы как стояние на коленях, переговоры с властителями мира, работа по легитимизации борьбы, принятие логики репрезентации и работа со СМИ в надежде понравиться массам. Эту тенденцию можно видеть как в радикальном экологическом движении, так и в движениях по защите прав индейских народов. Конечно же, можно понять оборонительный характер борьбы индейских народов. Если принять во внимание, что их уникальные культуры действительно оказались под угрозой уничтожения. И всё же это желание перейти к обороне и удариться в реформистскую деятельность очень явно проявляется именно в

- 18 -

равно получим продолжающееся одомашивание всего и вся.

Только отказавшись от взгляда на дикость как на монолитную концепцию, изолирующую «природу» и «дикость» от всего остального, только приняв потенциальную свободу всякой личности на спонтанные проявления своих чувств и эмоций, — **только тогда** можно говорить об угрозе цивилизации. Любой из нас может на многие годы уйти жить «в диких условиях», но если мы продолжим смотреть на окружающую действительность через призму цивилизации, если мы продолжим относиться ко всему многообразию живых организмов как к монолитной «дикой природе», как к «дикому, симбиотическому целому», мы всё равно останемся цивилизованными. Мы не станем дикими.

Но если в середине города мы в каждый момент времени будем противостоять одомашиванию, будем отказываться от доминирования, которое навязано нам общественными ролями, начнём вместо этого жить в соответствии с собственными страстями, желаниями и прихотями, если мы станем, наконец, уникальными и непредсказуемыми существами, которые скрываются до поры под нашими масками социализации, — мы станем дикими. Буйные и радостные игры среди руин гниющей цивилизации (осторожно: эта тварь опасна даже в период разложения) — вот наш лучший возможный вклад в разрушение системы. И свободолюбивые бунтари откажутся от

- 31 -

среды с одной стороны, и эскапистские практики (которые и вовсе игнорируют протекающие в мире процессы) с другой.

Оборонительные практики, которые развиваются из подобного отношения, связаны с предположением, что коллапс цивилизации (который неизбежен, если мы не будем пытаться изменить направление развития промышленной цивилизации) угрожает самой жизни на планете. Поэтому активисты обращаются к тактикам, которые должны защитить немногие оставшиеся уголки дикой природы и те нецивилизованные народы, которые до сих пор не уничтожены. Вся протестная деятельность оказывается, сосредоточена на попытке снизить ущерб, причиняемый индустриальной и постиндустриальной технологическими системами. Эта логика глухой обороны толкает людей к реформистским практикам и таким методам борьбы как стояние на коленях, переговоры с властителями мира, работа по легитимизации борьбы, принятие логики репрезентации и работа со СМИ в надежде понравиться массам. Эту тенденцию можно видеть как в радикальном экологическом движении, так и в движениях по защите прав индейских народов. Конечно же, можно понять оборонительный характер борьбы индейских народов. Если принять во внимание, что их уникальные культуры действительно оказались под угрозой уничтожения. И всё же это желание перейти к обороне и удариться в реформистскую деятельность очень явно проявляется именно в

- 18 -

равно получим продолжающееся одомашивание всего и вся.

Только отказавшись от взгляда на дикость как на монолитную концепцию, изолирующую «природу» и «дикость» от всего остального, только приняв потенциальную свободу всякой личности на спонтанные проявления своих чувств и эмоций, — **только тогда** можно говорить об угрозе цивилизации. Любой из нас может на многие годы уйти жить «в диких условиях», но если мы продолжим смотреть на окружающую действительность через призму цивилизации, если мы продолжим относиться ко всему многообразию живых организмов как к монолитной «дикой природе», как к «дикому, симбиотическому целому», мы всё равно останемся цивилизованными. Мы не станем дикими.

Но если в середине города мы в каждый момент времени будем противостоять одомашиванию, будем отказываться от доминирования, которое навязано нам общественными ролями, начнём вместо этого жить в соответствии с собственными страстями, желаниями и прихотями, если мы станем, наконец, уникальными и непредсказуемыми существами, которые скрываются до поры под нашими масками социализации, — мы станем дикими. Буйные и радостные игры среди руин гниющей цивилизации (осторожно: эта тварь опасна даже в период разложения) — вот наш лучший возможный вклад в разрушение системы. И свободолюбивые бунтари откажутся от

- 31 -

ущевшие на планете осколки древних лесов, пустынь и гор можно превратить в «природные заповедники». Подобные предложение экологов лишь укрепляют в голове у обывателя отношение к «дикой природе» как к чему-то монолитному и чуждому, как к продукту. В основе концепции «заповедник» лежит чёткая грань между «дикой природой» и «человечеством». Поэтому не вызывает удивления, что в результате деятельности одной из фракций радикальных экологов возник конфликт между «биоцентристами» и «антропоцентристами». Как будто мы должны быть кем-то ещё помимо эгоцентристов.

И даже те «радикальные экологи», которые утверждают, что хотят видеть реинтеграцию людей в «природу», обманывают сами себя. Их видение «дикого, симбиотического целого» (это цитата одного из них) — всего лишь тот же самый монолитный концепт, созданный цивилизацией. Просто он сформулирован в квазимифических терминах. «Дикость» остаётся чуждой и замкнутой на саму себя системой даже для этих экологических мистиков. Они пытаются представить природу как какое-то надсущество, как бога, которому мы должны подчиниться. Но подчинение **и есть** одомашивание. Именно подчинение обеспечивает существование цивилизации. И не так уж важно, как конкретно называется идеология, которая навязывает нам подчинение: «природа», или «дикое, симбиотическое целое». В результате мы всё

- 30 -

ущевшие на планете осколки древних лесов, пустынь и гор можно превратить в «природные заповедники». Подобные предложение экологов лишь укрепляют в голове у обывателя отношение к «дикой природе» как к чему-то монолитному и чуждому, как к продукту. В основе концепции «заповедник» лежит чёткая грань между «дикой природой» и «человечеством». Поэтому не вызывает удивления, что в результате деятельности одной из фракций радикальных экологов возник конфликт между «биоцентристами» и «антропоцентристами». Как будто мы должны быть кем-то ещё помимо эгоцентристов.

И даже те «радикальные экологи», которые утверждают, что хотят видеть реинтеграцию людей в «природу», обманывают сами себя. Их видение «дикого, симбиотического целого» (это цитата одного из них) — всего лишь тот же самый монолитный концепт, созданный цивилизацией. Просто он сформулирован в квазимифических терминах. «Дикость» остаётся чуждой и замкнутой на саму себя системой даже для этих экологических мистиков. Они пытаются представить природу как какое-то надсущество, как бога, которому мы должны подчиниться. Но подчинение **и есть** одомашивание. Именно подчинение обеспечивает существование цивилизации. И не так уж важно, как конкретно называется идеология, которая навязывает нам подчинение: «природа», или «дикое, симбиотическое целое». В результате мы всё

- 30 -

эко - и индейском сопротивлении, поскольку как раз в этих аспектах сопротивления очень часто можно увидеть петиции с требованиями признать какие-то права, официально закрепить какой-нибудь статус, право собственности (на землю) и тому подобное. И для нас как анархистов, которые якобы требуют революционного разрыва с настоящим, некритическая поддержка подобных движений — это компромисс. Это согласие терпеть то, что всего лишь является очередной, самой новой и самой модной формой «борьбы за права народов третьего мира».

Эскапизм же видит в коллапсе возможность освободиться от удушающих объятий цивилизации. Поскольку предполагается, что коллапс неизбежен, то и нет нужды бороться с институтами доминирования и эксплуатации. Нет нужды идти на разрыв с существующим, стремиться к восстанию и революции. Можно просто уйти в леса и посвятить личное время развитию «навыков выживания», чтобы подготовиться к грядущему коллапсу. Я, безусловно, поддерживаю желание людей заниматься самообразованием, особенно изучением навыков, которые повышают их способность к самостоятельной жизни (и способность такой жизнью наслаждаться). Но всё дело в том, что эскапизм — это не просто желание изучить важные и полезные навыки, это именно отказ от какой-либо революционной деятельности в настоящем ради веры в неизбежный (и не зависящий от нас) коллапс в будущем.

- 19 -

эко - и индейском сопротивлении, поскольку как раз в этих аспектах сопротивления очень часто можно увидеть петиции с требованиями признать какие-то права, официально закрепить какой-нибудь статус, право собственности (на землю) и тому подобное. И для нас как анархистов, которые якобы требуют революционного разрыва с настоящим, некритическая поддержка подобных движений — это компромисс. Это согласие терпеть то, что всего лишь является очередной, самой новой и самой модной формой «борьбы за права народов третьего мира».

Эскапизм же видит в коллапсе возможность освободиться от удушающих объятий цивилизации. Поскольку предполагается, что коллапс неизбежен, то и нет нужды бороться с институтами доминирования и эксплуатации. Нет нужды идти на разрыв с существующим, стремиться к восстанию и революции. Можно просто уйти в леса и посвятить личное время развитию «навыков выживания», чтобы подготовиться к грядущему коллапсу. Я, безусловно, поддерживаю желание людей заниматься самообразованием, особенно изучением навыков, которые повышают их способность к самостоятельной жизни (и способность такой жизнью наслаждаться). Но всё дело в том, что эскапизм — это не просто желание изучить важные и полезные навыки, это именно отказ от какой-либо революционной деятельности в настоящем ради веры в неизбежный (и не зависящий от нас) коллапс в будущем.

- 19 -

Как я уже сказал: грядущий апокалипсис — это вопрос веры. Это далеко не факт. Коллапс цивилизации — одно из предсказаний, всего лишь возможность. Его может и не случиться. На данный момент мы переживаем одну катастрофу за другой, каждая из которых разрушает наши жизни и делает их ещё более бедными, разрушает саму планету. Вера в неизбежность коллапса — не что иное как попытка найти лёгкий выход из создавшейся ситуации. В этом случае можно смело отвернуться от реальности, уйти от необходимости занять место в конфликте с настоящим, который разгорается на планете уже сейчас. Если относиться к цивилизации как к врагу и источнику всех наших проблем, то предположении о неизбежном крахе цивилизации в ближайшем будущем служит уходу от революционной ответственности, уклонению от необходимости атаковать её, от всякой попытки создать революционный разрыв в существующей рутине с целью обнаружить новые возможности существования. Я говорю от ответственности всякого анархиста по постоянной шлифовке критического аппарата. Без способности к критическому мышлению мы не будем знать где, когда, зачем и как атаковать власть и государство.

Вера в неизбежный коллапс не только оправдывает реформистский и эскапистский подходы, но и делает их наиболее привлекательными и логичными. Но поскольку мы ещё не живём во времена коллапса, поскольку это всего лишь предположение (другими словами, это всего лишь идея, воцарившаяся в головах

- 20 -

места в монолитную сущность, в огромный мир, явно отделённый от цивилизации. Проявления этого мира внутри цивилизации считаются незрелыми, безумными, на них навешивают ярлыки «отклонение», «преступление», «аморальный поступок» и т. п. В результате о них или забывают, или помещают в клетку, или подвергают цензуре, или наказывают. И всё это — на фоне непрекращающихся мантр о том, что «естественное — это прекрасно». Когда «дикость» становится миром вовне вместо того, чтобы быть миром внутри нас, можно ожидать появления «экспертов по дикости», которые будут рады научить нас «правильным» способам «обрести связь» с природой. В стране полно всякого рода духовных гуру, которые рубят капусту на том, что продают концепцию «дикости» доверчивым яппи (ту «дикость», которая никак не угрожает их корпоративным мечтам, Порше и элитному жилью). «Дикость» стала ещё одной индустрией. И очень прибыльной индустрией.

Экологи — даже радикальные экологи — играют на руку подобному положению вещей. Вместо того чтобы стать по-настоящему дикими и начать уничтожать цивилизацию, используя для этого необузданную энергию своих желаний, они пытаются «спасти дикую природу». С практической точки зрения это означает вымалывание у властей поблажек или попытка манипулировать властями, с целью остановить наиболее вредные для биосферы секторы промышленности. Предполагается, что ещё

- 29 -

Как я уже сказал: грядущий апокалипсис — это вопрос веры. Это далеко не факт. Коллапс цивилизации — одно из предсказаний, всего лишь возможность. Его может и не случиться. На данный момент мы переживаем одну катастрофу за другой, каждая из которых разрушает наши жизни и делает их ещё более бедными, разрушает саму планету. Вера в неизбежность коллапса — не что иное как попытка найти лёгкий выход из создавшейся ситуации. В этом случае можно смело отвернуться от реальности, уйти от необходимости занять место в конфликте с настоящим, который разгорается на планете уже сейчас. Если относиться к цивилизации как к врагу и источнику всех наших проблем, то предположении о неизбежном крахе цивилизации в ближайшем будущем служит уходу от революционной ответственности, уклонению от необходимости атаковать её, от всякой попытки создать революционный разрыв в существующей рутине с целью обнаружить новые возможности существования. Я говорю от ответственности всякого анархиста по постоянной шлифовке критического аппарата. Без способности к критическому мышлению мы не будем знать где, когда, зачем и как атаковать власть и государство.

Вера в неизбежный коллапс не только оправдывает реформистский и эскапистский подходы, но и делает их наиболее привлекательными и логичными. Но поскольку мы ещё не живём во времена коллапса, поскольку это всего лишь предположение (другими словами, это всего лишь идея, воцарившаяся в головах

- 20 -

места в монолитную сущность, в огромный мир, явно отделённый от цивилизации. Проявления этого мира внутри цивилизации считаются незрелыми, безумными, на них навешивают ярлыки «отклонение», «преступление», «аморальный поступок» и т. п. В результате о них или забывают, или помещают в клетку, или подвергают цензуре, или наказывают. И всё это — на фоне непрекращающихся мантр о том, что «естественное — это прекрасно». Когда «дикость» становится миром вовне вместо того, чтобы быть миром внутри нас, можно ожидать появления «экспертов по дикости», которые будут рады научить нас «правильным» способам «обрести связь» с природой. В стране полно всякого рода духовных гуру, которые рубят капусту на том, что продают концепцию «дикости» доверчивым яппи (ту «дикость», которая никак не угрожает их корпоративным мечтам, Порше и элитному жилью). «Дикость» стала ещё одной индустрией. И очень прибыльной индустрией.

Экологи — даже радикальные экологи — играют на руку подобному положению вещей. Вместо того чтобы стать по-настоящему дикими и начать уничтожать цивилизацию, используя для этого необузданную энергию своих желаний, они пытаются «спасти дикую природу». С практической точки зрения это означает вымалывание у властей поблажек или попытка манипулировать властями, с целью остановить наиболее вредные для биосферы секторы промышленности. Предполагается, что ещё

- 29 -

и помедитировать, испытать новые эмоции и пережить приключения. И, конечно же, «природа» остаётся «матерью», которая заботится о нас и обеспечивает нас всеми необходимыми для существования цивилизации ресурсами.

В культуре, основанной на производстве товаров потребления, «природа» служит оздоровлению человеческой страсти к диким приключениям, к жизни, свободной от одомашивания. Именно такие образы продаются под брендом «дикая природа». Эта концепция добавляет каждой прогулке по лесу привкус риска, который столь привлекает искателей приключений и бунтарей. Она также усиливает концепцию о том, что на самом деле место человека — где-то ещё, вне «природных» условий. Это помогает продавать многочисленные товары, которые, якобы, необходимы для выживания в глуши. Позитивная концепция природы приучает людей к мысли о том, что они обязаны время от времени путешествовать по диким местам (при этом люди не понимают, что на их личные переживания в первую очередь будут влиять эти искусственно созданные концепции, а вовсе не всамделишная окружающая среда). Таким образом, цивилизация успешно использует даже те области, на которые она, казалось бы, не имеет прямого влияния: они преобразованы в «природу», «дикие места», в аспекты спектакля, который держит нас одомашненными.

Концепция «природы» служит задаче одомашивания, потому что преобразует дикие

- 28 -

и помедитировать, испытать новые эмоции и пережить приключения. И, конечно же, «природа» остаётся «матерью», которая заботится о нас и обеспечивает нас всеми необходимыми для существования цивилизации ресурсами.

В культуре, основанной на производстве товаров потребления, «природа» служит оздоровлению человеческой страсти к диким приключениям, к жизни, свободной от одомашивания. Именно такие образы продаются под брендом «дикая природа». Эта концепция добавляет каждой прогулке по лесу привкус риска, который столь привлекает искателей приключений и бунтарей. Она также усиливает концепцию о том, что на самом деле место человека — где-то ещё, вне «природных» условий. Это помогает продавать многочисленные товары, которые, якобы, необходимы для выживания в глуши. Позитивная концепция природы приучает людей к мысли о том, что они обязаны время от времени путешествовать по диким местам (при этом люди не понимают, что на их личные переживания в первую очередь будут влиять эти искусственно созданные концепции, а вовсе не всамделишная окружающая среда). Таким образом, цивилизация успешно использует даже те области, на которые она, казалось бы, не имеет прямого влияния: они преобразованы в «природу», «дикие места», в аспекты спектакля, который держит нас одомашненными.

Концепция «природы» служит задаче одомашивания, потому что преобразует дикие

- 28 -

некоторых людей), необходимо задаться вопросом: действительно ли мы хотим основывать свою деятельность на этой вере. Хотим ли мы рискнуть своими реальными жизнями ради, пока что, виртуальной возможности?

Если понимать историю как активную деятельность населяющих планету людей, а не как попытку оправдать настоящее за счёт прошлого или будущего, становится ясным, что всякий разрыв с настоящим, всякое новое начало, преобразует всё пространство времени целиком. Таким образом, наша борьба может вестись только сейчас. И это может быть только борьба против статус-кво. По своей сути, речь идёт об игре, в которой ставками являются наши жизни, мы сами. И это — суть революционной ответственности: способность отвечать за свою жизнь здесь и сейчас, способность вступить в открытый конфликт с нашим обществом. С этой точки зрения, потенциальная возможность экономического, общественного или экологического коллапса — это лишь одна из множества стоящих перед нами трудностей. Часть того, против чего мы боремся. Но поскольку на кону мы сами, наши жизни, то нельзя просто взять и отказаться от наших страстей, желаний, принципов, личной этики, всего того, что делает нас уникальными личностями. Нельзя отказаться от всего этого ради «спасения мира» от предсказанного (кем-то) коллапса. И спрятаться от этого тоже не получится. Наша реакция как анархистов заключается как раз в том, что мы

- 21 -

некоторых людей), необходимо задаться вопросом: действительно ли мы хотим основывать свою деятельность на этой вере. Хотим ли мы рискнуть своими реальными жизнями ради, пока что, виртуальной возможности?

Если понимать историю как активную деятельность населяющих планету людей, а не как попытку оправдать настоящее за счёт прошлого или будущего, становится ясным, что всякий разрыв с настоящим, всякое новое начало, преобразует всё пространство времени целиком. Таким образом, наша борьба может вестись только сейчас. И это может быть только борьба против статус-кво. По своей сути, речь идёт об игре, в которой ставками являются наши жизни, мы сами. И это — суть революционной ответственности: способность отвечать за свою жизнь здесь и сейчас, способность вступить в открытый конфликт с нашим обществом. С этой точки зрения, потенциальная возможность экономического, общественного или экологического коллапса — это лишь одна из множества стоящих перед нами трудностей. Часть того, против чего мы боремся. Но поскольку на кону мы сами, наши жизни, то нельзя просто взять и отказаться от наших страстей, желаний, принципов, личной этики, всего того, что делает нас уникальными личностями. Нельзя отказаться от всего этого ради «спасения мира» от предсказанного (кем-то) коллапса. И спрятаться от этого тоже не получится. Наша реакция как анархистов заключается как раз в том, что мы

- 21 -

пытаемся разрушить существующее общественное устройство, которое, возможно, ведёт мир к коллапсу. Мы отказываемся идти на компромисс, мы живём и боремся в настоящем. В тот момент, когда активист обращается к написанию петиций, ведению переговоров, упрощению, требованиям легитимизации, даже к посредничеству (то есть начинает апеллировать к СМИ с целью слепить из протестного движения конфетку), в этот момент он уже проиграл. Потому что отказался от борьбы на собственных условиях, позволил «высшим» ценностям, моральным императивам «в интересах Человечества», «ради Жизни», «ради Планеты» стать более значимыми, чем его собственная жизнь, его собственная человечность, которая заключена в его уникальности. Именно морализм, основанный на идеологии отчаяния, и заставляет людей жертвовать собой, собственными мечтами и принципами, превращает повстанцев в реформистов, подписантов петиций, просителей... в жалких попрошайек.

Когда я говорю о революционной ответственности, я говорю именно о желании рисковать собой, о способности поставить на кон собственную жизнь ради возможности создать революционный разрыв в обывательском настоящем. Эта перспектива находится в абсолютной оппозиции к всякого рода апокалиптическим верованиям, в том числе — в оппозиции к идеологии коллапса. Это значит, что наша революционная практика должна

- 22 -

современном обществе, где образы подчинили себе реальность, а иногда, кажется, уже создают её, природа превратилась в инструмент одомашивания.

Шоу, посвящённые дикой природе на ТВ, календари с изображением диких зверей и лесов, магазины «для туристов», «натуральные» продукты, «экологически мыслящий» президент и «радикальная» экология — все они действуют сообща, поскольку способствуют созданию образа «природы» и обучают нас тому, как «правильно» с ней взаимодействовать. В подсознании неизбежно возникает образ «зловещей глуши» периода ранних цивилизаций. Почти все шоу о «дикой природе» включают в себя сцены насилия. Почти никого не интересует, что режиссёры часто вынуждены провоцировать животных на агрессивное поведение перед камерой с помощью тока. Формулируется месседж об опасности «диких» животных и растений. Жизнь вне цивилизации рисуется в кровавых тонах: это борьба за выживание. Общество спектакля нуждается в доминировании над «зловещей дикой природой», чтобы функционировать наиболее эффективным способом. В общественном сознании доминирует отношение к природе как к ресурсу. В лучшем случае — как к чему-то чуждому и прекрасному, чем можно восхищаться и что можно изучать. «Дикость» - это то, куда допустимо сбежать (на короткое время и при наличии соответствующей экипировки). Сбежать от монотонной скуки ежедневной жизни. Сбежать, чтобы расслабиться

- 27 -

пытаемся разрушить существующее общественное устройство, которое, возможно, ведёт мир к коллапсу. Мы отказываемся идти на компромисс, мы живём и боремся в настоящем. В тот момент, когда активист обращается к написанию петиций, ведению переговоров, упрощению, требованиям легитимизации, даже к посредничеству (то есть начинает апеллировать к СМИ с целью слепить из протестного движения конфетку), в этот момент он уже проиграл. Потому что отказался от борьбы на собственных условиях, позволил «высшим» ценностям, моральным императивам «в интересах Человечества», «ради Жизни», «ради Планеты» стать более значимыми, чем его собственная жизнь, его собственная человечность, которая заключена в его уникальности. Именно морализм, основанный на идеологии отчаяния, и заставляет людей жертвовать собой, собственными мечтами и принципами, превращает повстанцев в реформистов, подписантов петиций, просителей... в жалких попрошайек.

Когда я говорю о революционной ответственности, я говорю именно о желании рисковать собой, о способности поставить на кон собственную жизнь ради возможности создать революционный разрыв в обывательском настоящем. Эта перспектива находится в абсолютной оппозиции к всякого рода апокалиптическим верованиям, в том числе — в оппозиции к идеологии коллапса. Это значит, что наша революционная практика должна

- 22 -

современном обществе, где образы подчинили себе реальность, а иногда, кажется, уже создают её, природа превратилась в инструмент одомашивания.

Шоу, посвящённые дикой природе на ТВ, календари с изображением диких зверей и лесов, магазины «для туристов», «натуральные» продукты, «экологически мыслящий» президент и «радикальная» экология — все они действуют сообща, поскольку способствуют созданию образа «природы» и обучают нас тому, как «правильно» с ней взаимодействовать. В подсознании неизбежно возникает образ «зловещей глуши» периода ранних цивилизаций. Почти все шоу о «дикой природе» включают в себя сцены насилия. Почти никого не интересует, что режиссёры часто вынуждены провоцировать животных на агрессивное поведение перед камерой с помощью тока. Формулируется месседж об опасности «диких» животных и растений. Жизнь вне цивилизации рисуется в кровавых тонах: это борьба за выживание. Общество спектакля нуждается в доминировании над «зловещей дикой природой», чтобы функционировать наиболее эффективным способом. В общественном сознании доминирует отношение к природе как к ресурсу. В лучшем случае — как к чему-то чуждому и прекрасному, чем можно восхищаться и что можно изучать. «Дикость» - это то, куда допустимо сбежать (на короткое время и при наличии соответствующей экипировки). Сбежать от монотонной скуки ежедневной жизни. Сбежать, чтобы расслабиться

- 27 -

горизонтах для колонизации и контроля. Дикие уголки стали необходимы для изучения «природы» и размышления о её сути, но эти вещи осуществлялись именно для лучшего понимания и контроля за «природными» процессами. Они должны были, в конечном счете, помочь ещё больше расширить цивилизацию. И вот уже «злая природа» осталась в прошлом. Её заменил миф о «природе» и «диких условиях», которые обладают ценностью для цивилизации.

Концепция природы способствует становлению систем социальных ценностей и морали. И поскольку само понятие «природы» основано на явно противоречивых моментах, соответствующие системы тоже иногда кажутся противоречивыми. Но все они служат одной и той же цели: нашему одомашиванию.

И те, кто предлагают нам «быть цивилизованными», и те, кто призывают нас «вести себя естественно», на самом деле говорят об одном и том же: «Живите в соответствии с внешними системами ценностей, а не в соответствии с собственными желаниями». Морализм естественности ничуть не менее жесток, чем всякий другой. Людей бросали в тюрьмы, пытали и даже убивали за то, что они совершали что-то «противоестественное» — и до сих пор эта практика продолжается. «Природа» — это всего лишь ещё один уродливый и требовательный бог. Испокон веков, природа была искусственным образом, созданным властями для укрепления собственного авторитета. Поэтому неудивительно, что в

- 26 -

начинаться в наших собственных мечтах о том мире, который мы хотим для самих себя, должна основываться на нашем понимании того, как существующий миропорядок мешает нам реализовать свои мечты. Это понимание необходимо детально прорабатывать и проверять на прочность посредством анализа и критики. Это нужно для более эффективной атаки на существующее. И поскольку наша отправная точка — это мы сами, наши собственные наиболее революционные желания, то легко увидеть необходимость протянуть руку ко всякому оружию, которое может послужить нашим целям в нападении на эту цивилизацию, основанную на доминировании и эксплуатации. Поскольку нет никакой гарантии, что эта тварь сдохнет сама по себе. Потому что даже если она и сдохнет, то вполне возможно, что к этому времени мы все будем по уши в дерьме. Потому что, только научившись активно изменять собственные жизни (можно даже сказать, научившись создавать их заново), разработав такие формы существования, которые радикально отличаются от всего, что нам доступно сейчас (это возможно только в ходе революции), только тогда мы сможем с уверенностью утверждать, что конец цивилизации не приведёт к появлению ещё более ужасных социальных конструкторов. Именно поэтому я призываю анархистов взять на себя ответственность за свои жизни. Именно в этом и состоит суть революционной ответственности.

Ферал Фавн

- 23 -

горизонтах для колонизации и контроля. Дикие уголки стали необходимы для изучения «природы» и размышления о её сути, но эти вещи осуществлялись именно для лучшего понимания и контроля за «природными» процессами. Они должны были, в конечном счете, помочь ещё больше расширить цивилизацию. И вот уже «злая природа» осталась в прошлом. Её заменил миф о «природе» и «диких условиях», которые обладают ценностью для цивилизации.

Концепция природы способствует становлению систем социальных ценностей и морали. И поскольку само понятие «природы» основано на явно противоречивых моментах, соответствующие системы тоже иногда кажутся противоречивыми. Но все они служат одной и той же цели: нашему одомашиванию.

И те, кто предлагают нам «быть цивилизованными», и те, кто призывают нас «вести себя естественно», на самом деле говорят об одном и том же: «Живите в соответствии с внешними системами ценностей, а не в соответствии с собственными желаниями». Морализм естественности ничуть не менее жесток, чем всякий другой. Людей бросали в тюрьмы, пытали и даже убивали за то, что они совершали что-то «противоестественное» — и до сих пор эта практика продолжается. «Природа» — это всего лишь ещё один уродливый и требовательный бог. Испокон веков, природа была искусственным образом, созданным властями для укрепления собственного авторитета. Поэтому неудивительно, что в

- 26 -

начинаться в наших собственных мечтах о том мире, который мы хотим для самих себя, должна основываться на нашем понимании того, как существующий миропорядок мешает нам реализовать свои мечты. Это понимание необходимо детально прорабатывать и проверять на прочность посредством анализа и критики. Это нужно для более эффективной атаки на существующее. И поскольку наша отправная точка — это мы сами, наши собственные наиболее революционные желания, то легко увидеть необходимость протянуть руку ко всякому оружию, которое может послужить нашим целям в нападении на эту цивилизацию, основанную на доминировании и эксплуатации. Поскольку нет никакой гарантии, что эта тварь сдохнет сама по себе. Потому что даже если она и сдохнет, то вполне возможно, что к этому времени мы все будем по уши в дерьме. Потому что, только научившись активно изменять собственные жизни (можно даже сказать, научившись создавать их заново), разработав такие формы существования, которые радикально отличаются от всего, что нам доступно сейчас (это возможно только в ходе революции), только тогда мы сможем с уверенностью утверждать, что конец цивилизации не приведёт к появлению ещё более ужасных социальных конструкторов. Именно поэтому я призываю анархистов взять на себя ответственность за свои жизни. Именно в этом и состоит суть революционной ответственности.

Ферал Фавн

- 23 -

ПРИРОДА КАК СПЕКТАКЛЬ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ДИКОСТИ ПРОТИВ ДИКОСТИ

(От автора: Я прибегаю к частому использованию кавычек в этом эссе для того, чтобы усилить мысль о том, что природа и дикая среда стали концепциями и не являются чем-то реальным)

Природа существовала не всегда. В лесной чаще её нет. Её нет в сердце ягуара или песнях индейцев. Природа существует исключительно в философских работах и образах, созданных цивилизованными народами. Кажущиеся противоречивыми аспекты окружающего мира объединяются в идеологический конструкт, который используется для нашего одомашнивания и угнетения, для того, чтобы перенаправить проявления дикости нашего характера. Цивилизация монолитна, поэтому и цивилизованный взгляд на всякий предмет наблюдения монолитен. Сталкиваясь с мириадами живых организмов, населяющих всё вокруг, цивилизованный разум нуждается в категоризации окружающих явлений, чтобы почувствовать понимание (хотя единственное, что на самом деле понимает подобный разум — это то, как сделать что-то полезным для цивилизации). Природа — это одна из самых важных цивилизационных категорий. Одна из наиболее полезных с точки зрения сдерживания диких проявлений характера отдельных людей, с точки зрения навязывания их самоидентификации

- 24 -

ПРИРОДА КАК СПЕКТАКЛЬ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ДИКОСТИ ПРОТИВ ДИКОСТИ

(От автора: Я прибегаю к частому использованию кавычек в этом эссе для того, чтобы усилить мысль о том, что природа и дикая среда стали концепциями и не являются чем-то реальным)

Природа существовала не всегда. В лесной чаще её нет. Её нет в сердце ягуара или песнях индейцев. Природа существует исключительно в философских работах и образах, созданных цивилизованными народами. Кажущиеся противоречивыми аспекты окружающего мира объединяются в идеологический конструкт, который используется для нашего одомашнивания и угнетения, для того, чтобы перенаправить проявления дикости нашего характера. Цивилизация монолитна, поэтому и цивилизованный взгляд на всякий предмет наблюдения монолитен. Сталкиваясь с мириадами живых организмов, населяющих всё вокруг, цивилизованный разум нуждается в категоризации окружающих явлений, чтобы почувствовать понимание (хотя единственное, что на самом деле понимает подобный разум — это то, как сделать что-то полезным для цивилизации). Природа — это одна из самых важных цивилизационных категорий. Одна из наиболее полезных с точки зрения сдерживания диких проявлений характера отдельных людей, с точки зрения навязывания их самоидентификации

- 24 -

как цивилизованных и социализированных существ.

Пожалуй, одной из самых ранних попыток концептуализации природы был Ветхий Завет: опасная глушь, пустынные земли, заселённые дикими и ядовитыми зверями, злобными демонами и безумцами. Эта концепция оказалась особенно важной для ранних цивилизаций: в умах городских жителей насаждалась мысль о диких землях, пребывание в которых опасно для здоровья. Поэтому исследователи изначально относились к исследуемым землям как к вражеской территории. Так была сформирована дихотомия «человек-природа». Именно она не даёт людям полноценно и дико проживать свои жизни (в плане реализации своих желаний). Но очень быстро негативный взгляд на природу достиг предела своей полезности, поскольку в этом нарративе цивилизация была представлена как крепость, осаждённая со всех сторон. Для выживания цивилизации требовалось постоянное расширение колонизированных земель, требовалось распространение эксплуатации. «Природа» претерпела соответствующие преобразования: она стала корзиной изобилия, «матерью-природой», которая вскармливала «человечество» и цивилизацию. Она стала прекрасной, достойной восхищения, размышления, изучения... эксплуатации. Она уже не была злой, но стала хаотичной, капризной, ненадёжной. К счастью для цивилизации, «человеческая природа» эволюционировала, стала более рациональной и теперь нуждалась в новых

- 25 -

как цивилизованных и социализированных существ.

Пожалуй, одной из самых ранних попыток концептуализации природы был Ветхий Завет: опасная глушь, пустынные земли, заселённые дикими и ядовитыми зверями, злобными демонами и безумцами. Эта концепция оказалась особенно важной для ранних цивилизаций: в умах городских жителей насаждалась мысль о диких землях, пребывание в которых опасно для здоровья. Поэтому исследователи изначально относились к исследуемым землям как к вражеской территории. Так была сформирована дихотомия «человек-природа». Именно она не даёт людям полноценно и дико проживать свои жизни (в плане реализации своих желаний). Но очень быстро негативный взгляд на природу достиг предела своей полезности, поскольку в этом нарративе цивилизация была представлена как крепость, осаждённая со всех сторон. Для выживания цивилизации требовалось постоянное расширение колонизированных земель, требовалось распространение эксплуатации. «Природа» претерпела соответствующие преобразования: она стала корзиной изобилия, «матерью-природой», которая вскармливала «человечество» и цивилизацию. Она стала прекрасной, достойной восхищения, размышления, изучения... эксплуатации. Она уже не была злой, но стала хаотичной, капризной, ненадёжной. К счастью для цивилизации, «человеческая природа» эволюционировала, стала более рациональной и теперь нуждалась в новых

- 25 -